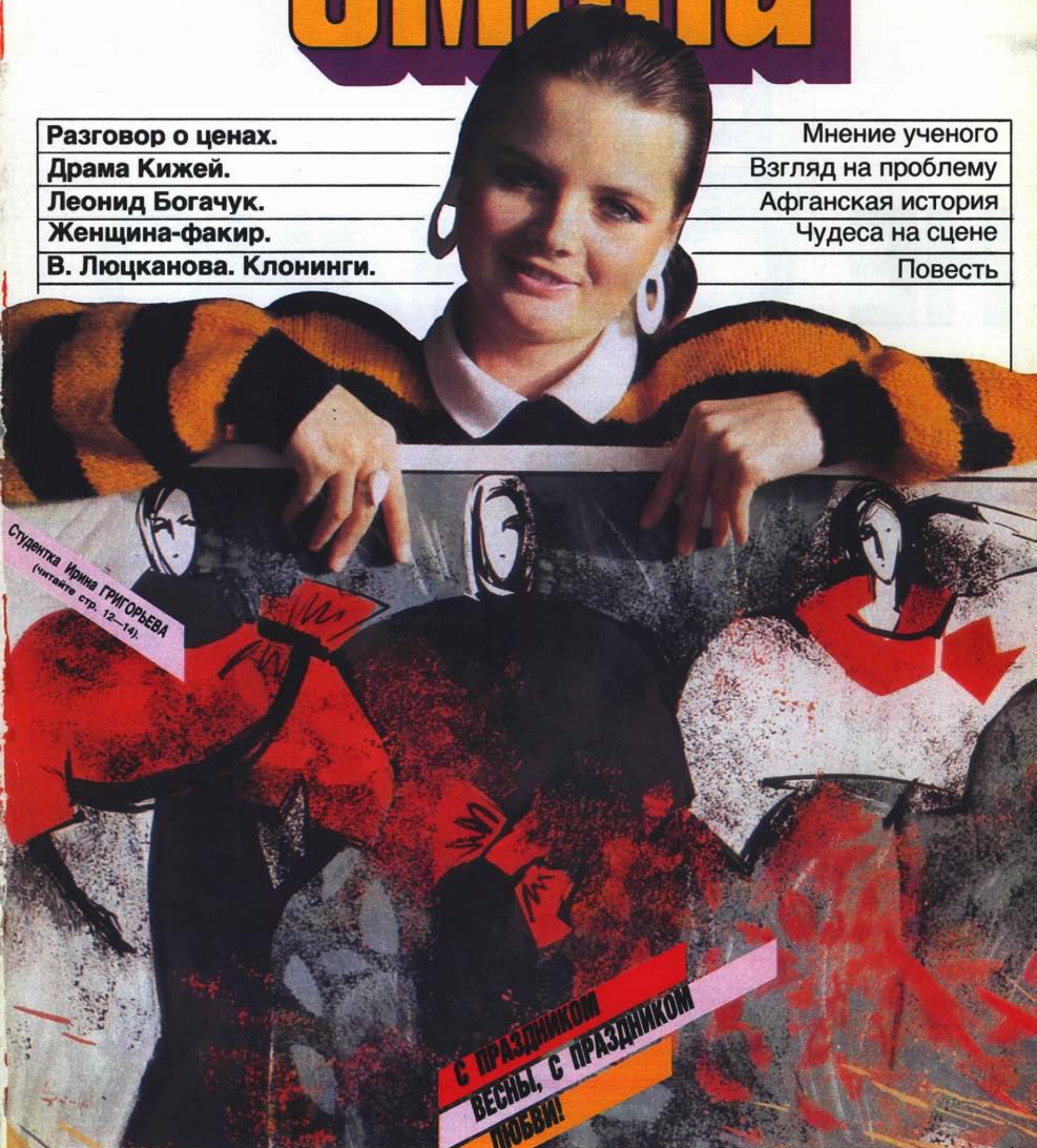

5 СМЕНА

Разговор о ценах.
 Драма Кижей.
 Леонид Богачук.
 Женщина-факир.
 В. Люцканова. Клонинги.

Мнение ученого
 Взгляд на проблему
 Афганская история
 Чудеса на сцене
 Повесть

Студентка Ирина ГРИГОРЬЕВА
 (читайте стр. 12—14).

С ПРАЗДНИКОМ
 ВЕСНЫ, С ПРАЗДНИКОМ
 ЛЮБВИ!

СКОЛЬКО ЕЩЕ НЕ СДЕЛАНО...

Валентина ПЕТРЕНКО,
первый секретарь
Ростовского
обкома комсомола

Вспоминаю весенние дни прошлого года. Закончился XX съезд комсомола, и мы, его делегаты, возвращались домой. Каждый из нас еще жил Москвой, встречами, спорами, дискуссиями, в которых довелось участвовать. И каждый, наверное, испытывал особое чувство сопричастности к делам и заботам страны. Но впереди ждала работа, и, конечно, мысли были о ней.

Поезд мчал уже по донской земле, за вагонными окнами мелькали такие родные, такие знакомые пейзажи, но прихода весны не чувствовалось: конец апреля, а в полях ни прогалинки, села в сугробах, на небе — темные мохнатые облака.

— Погода отличная для охоты. Вон, смотрите, заячьи следы, — празднично заметил кто-то из пассажиров.

Мой сосед с делегатским значком на замечание это нахмурил брови:

— Отличная погода, говорите? Эх, ничего-то вы видеть не хотите. Плохая погода, очень плохая. Сеять скоро, а вы про зайчиков...

Любитель охоты в недоумении посмотрел на моего соседа, видимо, не понимая, чем вызвана столь раздраженная реакция, а мне она была понятна. Май на носу, и моего товарища по делегации очень тревожило, что весна на Дон не пришла, что посевная предстоит трудная, что зимовка затягивается...

Тремя днями позже мне пришлось выехать в Верхнедонской район, на самый север области. Одна ферма, другая, третья, и везде — озабоченные лица доярок, свинок, телятниц. На полтора месяца весна запоздала, а с кормами перебои, телята рождаются слабые, их бы на зеленую травку, а кругом снег, снег. Каких же трудов стоило этим людям сберечь и накормить в ту весну животных, но они, как могли, сделали это.

Я смотрела на усталые лица доярок, на их руки, натруженные, с набухшими венами, и мне, выросшей в деревне и понимающей заботы этих людей, хотелось, чтобы лица и руки эти показали по телевизору.

Говорю об этом, потому что ирригировательный тон в разговоре с молодежью, к сожалению, характерен для некоторых органов массовой информации. И тон этот, в котором уместно знакомить с рок-группами, вроде бы и не позволяет размышлять о вещах серьезных, а если и затрагивает их, то вскользь, чтобы не дай бог не испор-

тить веселое настроение аудитории. Я смотрю на экран, где исповедуется очередной панк или металлист, и думаю, почему же журналист, берущий интервью, не поинтересовался, а волнуется ли этих ребят что-либо, кроме досуга. Кто они по профессии. Нет, я не против самовыражения, новых его форм, но меня волнует и тревожит, что в речах молодых так часто звучит: хочу, требую, мне положено, дайте.

В выборочной анкете на вопрос «Что ты любишь больше всего?» (вопрос и для вас, читатель) так много ответивших: слушать музыку, смотреть кинофильмы, отдыхать с друзьями. И так мало тех, кто написал: «Люблю свою работу».

Почему так смещаются ценности? Почему многие молодые живут лишь ожиданием праздника, поймаемого как отдых от работы, и будни имеют для них лишь один эпитет — серые? Каждый имеет право на выбор. Но как его сделать, чтобы не жалеть потом? Выбор между легко и сложно, честным путем и обманным, борьбой и соглашательством?

Быть молодым нелегко — ответ на вопрос, поставленный в известном документальном фильме, однозначен. Но каким быть?

Комсомольская работа сталкивает со множеством людей, и каждого стремишься понять, а когда ошибаешься в человеке — бывает, внешне порядочный на поверку оказывается пустышкой. — Конечно, пытаешься понять причину такого несоответствия. Значительно чаще, чем хотелось бы, приходится убеждаться, что среди выпускников профтехучилищ, техникумов, даже вузов немало таких, кто толком ничего не знает и не умеет, кто вовсе не желает утвердить себя в работе. Приходишь к выводу, что у этих молодых потребность трудиться не привита с детства. Когда же знакомишься с опытом рабочих династий, прежде всего обращаешь внимание, что здесь с младых ногтей детям прививают чувство уважения к профессии старших, ответственности за «марку» своего труда. К сожалению, систематическое трудовое воспитание отсутствует не только в большинстве семей, но и в нашей общеобразовательной школе. Сам подход к трудовому воспитанию примитивен. В лучшем случае завод-шеф, закрепленный за школой решением исполкома, организует в ней изготовление «болтов и гаек». Внешне таким об-

разом подготовка рабочей смены вроде бы решается. И мало кого беспокоит, что школьник порой не ведает, частью какого сложного механизма являются его «гайки», что значит он сам для производства. Не может он осознать и реальную пользу, значимость своей работы. Можно ли при таком подходе привить молодым нравственную ответственность за порученное дело, если настоящего дела они в глаза не видели?

А почему бы не сделать по-другому? Почему бы школе не прийти в заводские цеха, ориентированные на выпуск товаров широкого потребления? Например, заключить договор, по которому ответственность за выполнение хотя бы малой части плана возложить на школьников. Предусмотреть и соответствующую оплату по труду. Уверена, в таком случае производственная цепочка «школа — завод» укрепит. Ведь и завод, и школа будут заинтересованы в четкой поставке материалов, четком выполнении плановых заданий. Именно в этом направлении идет поиск форм трудового воспитания в нашей области. В учебно-производственных комбинатах, на школьных заводах, в студенческих специализированных бюро услуг, строительных управлениях и даже трестах учащиеся и студенты осваивают навыки будущих профессий. Вот пример. Ростовским инженерно-строительным институтом совместно с трестом Главростовстрой создается студенческое строительное управление. О том, что организация эта вовсе не игрушечная, говорит сумма строительно-монтажных работ, которые предстоит выполнить за год по генплану, — 2 миллиона 180 тысяч рублей, в том числе миллион 228 тысяч собственными силами. Штат управления — 290 студентов четвертого курса и 30 квалифицированных рабочих-инструкторов. Зарплата — в соответствии с действующими нормами и расценками в строительстве. В ближайшем будущем планируется создание строительной базы на полигоне РИСИ, сооружение технологических линий по выпуску кирпича и легких стеновых панелей, где будут быстро внедряться научно-технические разработки студентов и молодых ученых.

Другой пример. В городе Шахты создан Студенческий дом быта — объединение студентов, изъявивших желание участвовать в свободное от занятий время в бытовом обслуживании на-

селения. Диапазон предоставляемых услуг очень широк — от пошива и ремонта одежды и обуви до организации праздников, от стирки белья и химчистки до технического обслуживания автомобилей. Один нюанс: участвовать в работе Студенческого дома быта могут только те, кто успешно справляется с учебной программой. Двоечнику здесь даже рубашку постирать не доверят.

Появились в области и студенческие кооперативы. В Ростовском институте инженеров железнодорожного транспорта кооператив «Меркурий» ремонтирует телевизоры и холодильники, электробытовую технику, а также квартиры.

Все эти формы трудового обучения, становления мастерства рождены самой жизнью — система обучения в школе или вузе их не предусматривает. А надо, чтобы с первого класса ребенок овладевал не только теорией, но и практикой. В программе подготовки ребят к труду неплохо бы предусмотреть, специалисты каких профессий потребуются заводу или колхозу через 10—20 лет. План развития района, города, области тоже должен быть отражен в этой программе.

В одной из школ Миллеровского района учителя сокрушались: «Хлеб печь некому, парикмахеров нет, в ателье не хватает мастеров». Законное возражение, но ведь всему этому можно учить. Да, конечно, можно, соглашались педагоги, но ведь целый класс на пекарей обучать не будешь. Как быть с утвержденной программой, да и расписание занятий придется менять.

Согласна, не так просто решать эти вопросы. Но решение их сулит по крайней мере практическую отдачу. А какова, скажем, практическая отдача от сотни стенографисток, которых выпускают УПК, стенографисток, большинству из которых в жизни не придется застенографировать ни строчки. А сколько таких, «обученных профессии», среди выпускников наших школ!

В стране начался повсеместный переход на прогрессивную систему хозяйствования. Иными словами, в действие будут приведены новые, более эффективные экономические рычаги. Ну, а кто будет двигать эти «рычаги», где взять квалифицированные кадры, способные решать хозяйственные задачи в духе времени? Ведь не секрет, что существуют десятки НИИ, которые не дают ни копейки прибыли на рубль за-

трат. Не оттого ли так получается, что «копейки» эти многие наши сограждане, в том числе и молодые, считать не умеют. Экономическое мышление у многих отстает, элементарные знания в области экономического развития материального производства порой мизерны. Невозможно стать профессионалом, не будучи рачительным хозяином в сфере своей деятельности, не умея экономить, считая на каждом шагу убытки. Не случайно во многих зарубежных странах детям со школьной скамьи преподают основы «бизнеса». А вот наша молодежь в большей своей части дилетанты в области экономики. Действительно, чтобы копейка превращалась в золотые «рубли» дохода, нужно с детства учиться ее считать. Сейчас в ростовских школах преподаватели и студенты экономических факультетов вузов дают «уроки» экономического образования. Проводятся и практические занятия по основам экономики. Показательно, что интерес к экономическим наукам возрос настолько, что в городе появился «дефицит» такой литературы. Впрочем, учебника, в котором широко читателю доходчиво разъяснялось бы, что такое «себестоимость» и «цена», практически купить невозможно. Убеждена, пора такие учебники выпускать миллионными тиражами. А к традиционной школьной «азбуке» в качестве приложения издавать «азбуку экономики», и обязательно красиво иллюстрированную.

Да, именно в школе мы должны как можно раньше выявлять наклонности ребенка и направлять их в нужное для общества русло. Культ человека труда в глазах молодых должен быть высоким, таким же, как и культ учебы. Разве не являются негативные явления в молодежной среде результатом элементарного безделья, нежелания и неумения трудиться? Вспоминаю семинар вокально-инструментальных групп, прошедший в Ростове в декабре прошлого года. Были среди рокеров и металлистов гости из разных городов страны. Им, сетующим на непонимание обществом их искусства, предложили побывать в шахте, отработать смену, а потом дать концерт для рабочих. «Каждому свое» — цинично отказались музыканты. Вот они, невеселые итоги системы нравственного воспитания, при которой проблемы досуга молодежи занимали комсомол куда больше, чем дела насущные.

Как же помочь молодому человеку выбрать верный путь? Как добиться пробуждения совести, сорвать и с души коросту формального отношения к работе и друг к другу, побороть равнодушие, порождающее зло? Эти вопросы мы, комсомольские работники, обязаны обратить прежде всего к себе.

Не знаю, как у других, а у нас в области в ряде комсомольских организаций за шаблоном в работе потерялось лица необщее выражение. Мы сеяли все новые и новые бумаги, а надо было сеять знаменитую донскую пшеницу, изобретали некие формы, а надо было помогать комбайну «Дон» быстрее выйти на поля, добывали похвалы вышестоящего руководства, а надо было пробуждать в душах молодых высокую совесть и сознание долга перед страной. Искать и находить в человеке человека. А для этого нужен живой и интересный диалог. Теперь уже не может быть водораздела: активист — по одну сторону, рядовой комсомолец — по другую. Все мы равноправные товарищи в нашем союзе. Ничто так не возвращает молодого человека, как неправомерное выдвижение на должность, бюрократический рост. Отсюда и цинизм, и вседозволенность. А ведь от этих бед есть средство: постоянная «зависимость» выборного актива от своих избирателей. Все должно быть на виду. Гласность прежде всего нужна для самоочищения. Цена каждому из

нас, активистов, — отношение к нам молодежи. Но вот задумываешься: вроде бы и стараешься работать честно, а результат не тот, которого ждешь. Знаешь, есть где-то холостые обороты, возвращающие нас в наезженную колею.

Берясь за все, отвечая за все, многие из нас, комсомольских руководителей, потеряли персональную ответственность. Ее нам сейчас очень и очень недостает. Как я радовалась, когда, присутствуя на отчетах и выборах, слышала из зала вопрос, обращенный к выступающему комсомольскому руководителю: «А что сделал ты сам, лично?»

Берись и делай сам! К этому призывают нас документы партии. В конкретном деле и проверяются кадры.

...После пленума обкома ко мне подошел первый секретарь одного из крупных горкомов комсомола и попросил освободить его от занимаемой должности. Я сказала, что вопрос о его назначении решался не мной, не мне одной решать вопрос и об освобождении. Но в чем же причина желания уйти? «У меня ничего не получается, никто меня не поддерживает, видимо, характера не хватает». А между тем я знаю, что парень честный и инициативный, абсолютной порядочности, но, видимо, потерял веру в свои силы, веру в свое умение отстоять и провести в жизнь задуманное.

Не секрет, что все мы входим в комсомольскую жизнь желторотыми. И как важно, чтобы рядом были те, кто поймет и поможет. Думаю, нет ничего обидного в том, что первый секретарь обкома, горкома, райкома обратится за советом к опытному инструктору, секретарю первичной комсомольской организации. Главное, нам самим, комсомольским работникам, не страдать амбициями выборного кресла.

Говоря о профессионализме и компетентности комсомольских кадров, мы сознаем, что перестройка экономического механизма вызывает необходимость повышения и нашего теоретического уровня. С введением хозрасчета, бригадного подряда и других новых форм организации труда перед нами встает задача пересмотра методов трудового воспитания молодежи. А чтобы разобраться в этих вопросах, нам самим нужно владеть основами экономики. Сегодня в обкоме работает группа внештатных лекторов из молодых ученых и студентов — они читают лекции на экономические темы в городах и районах области.

По рекомендации ЦК комсомола мы решили создать гибкие структуры аппарата обкома ВЛКСМ, то есть создать такие подразделения, которые могли бы эффективно и оперативно решать проблемы молодежи. С таким расчетом был создан сектор по профилактике негативных явлений в молодежной среде. В города со сложной оперативной обстановкой направляются социологические группы для анализа ситуации и выдачи практических рекомендаций. Это уже принесло определенные результаты, наметилась тенденция сокращения преступности среди молодежи.

Анализ состояния дел в первичных организациях показывает, что на местах ситуация меняется к лучшему, но очень медленно. Многие решения, инициативы, хорошие начинания зависят на уровне горкомов и райкомов комсомола, не достигая первичных. По этой причине мы резко увеличили количество командировочных дней ответственных работников обкома комсомола. Помощь низовым организациям для нас становится одной из важнейших задач.

В каждую поездку по области открываю для себя прекрасных людей. Уверена: при их неравнодушном участии перестройка в комсомоле не останется лишь благим пожеланием.

ЦЕНЫ, ЦЕНЫ...

- БУДУТ ЛИ ДОРОЖАТЬ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ?
- СТАНУТ ЛИ ДЕШЕВЛЕ АВТОМОБИЛИ?
- В КАКОЙ МЕРЕ РЕФОРМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ УЧЕТ ИНТЕРЕСЫ МОЛОДЫХ?

Об этом в беседе с корреспондентом журнала «СМЕНА» СЕРГЕЕМ КАЛЕНИКИНЫМ

размышляет директор НИИ цен, доктор экономических наук,

профессор ВЛАДИМИР ЧЕПЛАНОВ.

— Владимир Иванович, в печати уже сообщалось, что предстоящая реформа ценообразования не должна ухудшить жизненный уровень людей. Но тем не менее многие к этим заверениям относятся настороженно. Появляются вопросы: как конкретно изменятся цены? Подорожают ли продукты питания и на сколько? Повысятся или понизятся цены на промтовары? Что сулит реформа если не сегодня, то завтра?.. У нас в редакции немало писем с подобными вопросами. Читатели высказывают различные — подчас взаимоисключающие — мнения, суждения, оценки... Увы, не обходится и без кривотолков, слухов.

— Было бы странно, если люди, узнав о предстоящей реформе ценообразования, отнеслись к ней с олимпийским спокойствием — ведь она затрагивает интересы каждого. Сейчас идет тщательная подготовка предложений по совершенствованию всей системы цен и тарифов в народном хозяйстве. Это очень большая, кропотливая работа, которая, как вы сами понимаете, требует времени. И, конечно же, все выработанные предложения по совершенствованию розничных цен будут вынесены на всенародное обсуждение. Только в условиях максимальной гласности примутся какие-либо окончательные решения.

— Возможно, говорить о конкретных ценах на те или иные товары пока рановато. Но почему бы не поговорить о предполагаемом движении цен? Вот, скажем, уже давно и многим понятно, что на продукты питания они повысятся. А почему, собственно, цены должны непременно повышаться?

— Знаете, ваш вопрос в какой-то мере отражает позицию некоторых экономистов, которые считают, что существующие розничные цены необходимо «заморозить». Но есть другая точка зрения: предлагается розничные цены сделать гибкими. Тут речь идет о необходимости повышения цен на продукты питания и возможном их снижении на некоторые товары народного потребления.

— Но ведь уже не раз проводились мероприятия по совершенствованию ценообразования. И это «совершенствование» было в одну сторо-

ну — в сторону повышения. Они росли на продукты питания, многие промышленные изделия. Между тем говорилось, что это, дескать, временное явление...

— ... а цены не только не понижались до прежнего уровня, а постоянно повышались. Так вы хотите поставить вопрос? К сожалению, у нас не было благоприятных экономических условий, материальных возможностей для снижения розничных цен. Зато была компенсация — росла заработная плата.

— Которая стала опережать рост производительности труда!

— Именно. Не надо быть экономистом, чтобы понять, как это отразилось на себестоимости промышленной и сельскохозяйственной продукции. Только в последних двух пятилетках в промышленности она снизилась менее чем на один процент, а в сельском хозяйстве и того хуже — отмечался ее постоянный рост!

Но здесь, замечу, сказались не только экстенсивные пути развития экономики, пробелы в ценообразовании, но и пьянство, прогулы, пренебрежение к своим обязанностям, низкая дисциплина, хищения, должностные преступления. Так вот, опережающий рост заработной платы привел к тому, что за 1970—1985 годы производство товаров народного потребления по стоимости возросло в два раза, а денежная масса в обращении — более чем втрое. Далее. Если в 1970 году у населения личных сбережений было 47 миллиардов рублей, то в 1986-м — 270 миллиардов! Добавьте сюда неучтенные деньги — те, которые хранятся в «кубышках» — это весьма значительная сумма: десятки миллиардов рублей. Таким образом, наш рубль обесценился, упал его престиж, крайне усугубилась проблема финансовой сбалансированности и денежного обращения в стране.

— Коль бумажные деньги обесценились, упала их покупательная способность, то, выходит, в нашей стране инфляция?

— Скорее вирус инфляции. А вообще у нас не принято так говорить...

— А как принято?

— Ну, хотя бы так: диспропорция между денежной и товарной массой...

Экономисты считают, что стабильность цен на продукты питания, их кажущаяся дешевизна — при значитель-

ных дотациях — привели к несбалансированности спроса и предложения. Ведь, как известно, производство продуктов питания (без учета алкоголя) обычно, и приходится прибегать к дотациям, которые по сельскохозяйственной продукции уже составляют 58 миллиардов рублей. Если же учесть и изделия легкой промышленности, то дотации приближаются к 90 миллиардам рублей в год! А к 1990 году потребуется более 100 миллиардов. А это, между прочим, живые деньги из карманов трудящихся: продавая по заниженным ценам продукты питания, мы повышаем их на автомобили, мебель, мотоциклы, радиоаппаратуру, холодильники, ювелирные и другие изделия. Перераспределение средств и прочие перекосы в ценах ограничивают ассортимент промышленных товаров, искажают реальные затраты в сельском хозяйстве и промышленности, не способствуют эффективному использованию сырья, нарушают принципы социальной справедливости, снижают покупательную способность рубля, ухудшают реальный уровень жизни людей...

Надо исправлять ситуацию. И повышения цен на продукты питания вряд ли можно избежать.

Повышение цен — экономическая необходимость: стоимость продуктов питания должна максимально приблизиться к их реальной цене! Хватит самим себя обкрадывать, надо наводить порядок. За счет этого можно будет понизить цены на некоторые высококачественные для государства товары: ковры, радиотехнику, мебель, телевизоры, на импортные швейные изделия — пальто, костюмы... Могут стать дешевле и те товары, которые пользуются ограниченным спросом. Но это мало что даст основной части трудящихся и нетрудоспособному населению — необходим гибкий механизм компенсации.

Ученые выдвигают различные предложения. Среди них: добавить определенную сумму каждому работнику к его заработной плате независимо от уровня оплаты труда и среднедушевого дохода, ввести в виде надбавок к заработной плате, пенсиям и пособиям до ста рублей на человека; выдавать компенсацию семьям, в которых среднедушевой доход менее ста рублей в ме-

сяц... Есть и другие варианты компенсации. Однако какой бы вариант мы ни взяли, необходимая величина компенсации на одного человека составит в среднем тридцать рублей в месяц. Всем трудящимся необходимо повысить заработную плату, студентам и учащимся — стипендии, нетрудоспособному населению — пенсии.

— Предлагает ли ваш институт какой-либо вариант компенсации?

— Мы предлагаем считать по среднедушевому потреблению мяса. Сейчас, как известно, оно составляет 63 килограмма в год. Это в среднем. Скажем, люди с доходом менее ста рублей потребляют всего двадцать—тридцать килограммов мяса в год. А медицинская норма — семьдесят килограммов. Разница существенная.

На медицинскую норму мы пока не можем выйти. А вот для того, чтобы сохранить среднедушевой уровень потребления мяса, заработную плату и надо поднять на 25—30 рублей. При этом получается, что тот, кто потреблял мяса менее 63 килограммов в год, сможет его купить на несколько килограммов больше, чем раньше.

— К примеру, семья из четырех человек (двое детей), имея доход 300 рублей, получит пособие в размере 120 рублей (по 30 рублей в едока), и среднедушевой доход семьи составит 105 рублей. Но вот ученые Института социологических исследований АН СССР провели исследование в семи республиках. Опрошенные ими люди утверждают: чтобы удовлетворить свои разумные потребности, доход на человека должен быть не менее 145 рублей.

В другом же институте мне сообщили, что в нашей стране ежедневная среднедушевая сумма, используемая на питание, — 1 рубль 40 копеек. Такая сумма не позволяет человеку рационально питаться. Но даже в этом случае среднемесячный душевой доход должен составлять 150 рублей. Это приблизительно, конечно. А чтобы только в количественном отношении улучшить питание человека — без учета ассортимента и качества продуктов, его рацион должен формироваться из расчета 1 рубль 75 копеек... Получается, что

ваша компенсация не в полной мере решит проблему.

— Любопытная статистика. Лично у меня она никаких подозрений не вызывает. Но давайте будем реалистами. Мы действительно живем не так, как нам хочется, не так, как должны. Но ведь доходы образуются не по мановению волшебной палочки, не по указанию сверху. Они зависят от нашего же труда в производственной сфере. Чем лучше, производительнее и качественнее работаем, тем больше доходов, тем весомее заработная плата. — других путей повышения благосостояния нет и быть не может. Словом, как бы мы ни считали, ни подсчитывали, а цены и заработная плата определяются объемами национального дохода. Можно распределить лишь то, что имеешь, что заработано. Между тем работаем мы, к сожалению, плохо. Так, за 1987 год национальный доход вырос всего на 2,3 процента — весьма медленный темп роста. Надо осознать, что никакие приятные и грядущие реформы не улучшат жизненного уровня, если работаем спустя рукава. Пора бы уяснить: наше благо создается нашими руками, оно зависит не от кого-то, а от нас самих — от конкретного труда конкретного человека. И сейчас все делается для того, чтобы люди могли работать с большей заинтересованностью, с большим желанием, а стало быть, и с большей отдачей.

Не за горами и реформа заработной платы — она много расставит на свои места, упорядочит соотношения в уровне оплат между малоквалифицированными и высококвалифицированными работниками. Разве это дело, когда, к примеру, врач получает 110 рублей в месяц, а некто все 600, не имея образования, соответствующей квалификации? Говорю к тому, что вскоре, с внедрением хозрасчета, у многих появится возможность зарабатывать гораздо больше. Ограничений в заработках, разумеется, не будет, но и «платить» за это придется.

Не исключено, что будут введены прогрессивные налоги, которые, между прочим, есть во многих странах мира. Они распространятся на всех, кто будет иметь высокие заработки. А то ведь одни получают 100—150 рублей, другие — 300, третьи — 600, а подоходный налог для всех один — тринадцать процентов. Согласитесь, странная уравниловка.

— А будет ли реальная возможность с толком потратить трудовой рубль? До сих пор ассортиментная политика строилась в расчете на среднего потребителя, она ущемляла интересы определенной категории людей, например, молодежи. А это 76 миллионов человек, четвертая часть населения СССР. Тем не менее рынок товаров для молодежи чрезвычайно беден, он не ориентирован на различные вкусы. По данным ВНИИ конъюнктуры и спроса Минторга СССР, удельный вес молодежной продукции в общем объеме производства в 1986 году составил по швейным изделиям четыре процента, а по верхнему трикотажу и обуви — шесть...

Допустим, что модные и разнообразные товары все-таки появятся и не придется испытывать каких-то трудностей в их приобретении. Однако молодежь, как правило, — малообеспеченная часть населения. Чтобы встать на ноги, ей требуется 10—12 лет. В какой степени цены на молодежные изделия будут учитывать доходы молодых?

— Мы рассчитываем, что цены станут полнее учитывать новизну, качество товаров, моду; будут стимулировать расширение ассортимента и улучшение качества товаров народного потребления. Новый хозяйственный механизм, хозрасчет, самофинансирование, самокупаемость и договорные цены должны изменить к лучшему и молодежный рынок — во всяком случае, для производителей будут создаваться весьма благоприятные условия. Но промышленность и торговлю надо по-

ставить в такие условия, в которых они бы сами искали возможность сбыть товар. Думается, есть смысл принять меры по специализации предприятий, которые работали бы только на своего конкретного и хорошо изученного потребителя — молодежь. Таким специализированным производствам куда проще ориентироваться в моде, перестраивать свою работу, а значит, и удовлетворять различные вкусы. А когда товаров предостаточно, когда ими насыщен рынок, то предприятия сами, без излишних напоминаний и давлений снизят цены. Именно об этом говорит и опыт наших друзей из Болгарии, ГДР.

А кооперация, смешанные предприятия? Они не дадут спокойно работать нашим обычным производствам, будут подстегивать их, тормозить, развернется конкуренция — борьба за рынок, за потребителя. Как вы, вероятно, знаете, создана советско-итальянская обувная фабрика, есть соглашение о сотрудничестве с испанскими фирмами по изготовлению телефонных аппаратов... Уже почти 500 советских предприятий получили право на прямую торговлю с европейскими социалистическими странами. Согласитесь, подобное право к чему-то обязывает.

— Расходы молодежи во многом связаны и с воспитанием, содержанием детей. Кто имеет детей, знает, в какую кругленькую сумму обходится гардероб для ребенка.

— Для предприятий, занятых выпуском детских товаров, установлены специальные льготы, но беда в том, что промышленность далеко не всегда ими пользуется; чаще всего отдает предпочтение валу, высокодоходным изделиям. Такой порядок надо ломать. Производство детских товаров — важная социальная задача. И надо строже спрашивать с промышленности за ассортимент, количество, качество детских изделий, их цены. На мой взгляд, изготовление детских товаров можно разумно сочетать с выгодами «взрослыми» товарами, то есть предприятиям надо дать возможность выпускать и ту, и другую продукцию. Можно и иначе материально заинтересовать трудовые коллективы — понизить им нормы отчислений в госбюджет...

Убежден, при желании нетрудно найти выход, и не один. Так почему бы не увеличить материальную помощь молодым и многодетным семьям? Они могли бы получать специальные пособия для приобретения необходимых детских товаров. Но все это пока из области желаний, предположений. Реальные возможности упорядочивания цен заложены в самой промышленности, в сельском хозяйстве. Они должны быть озабочены и снижением себестоимости, и экономией ресурсов. Почему до сих пор нет такой заинтересованности? Ответ прост. Цены на топливо, энергию, природные ресурсы и рабочую силу у нас явно занижены. Создается иллюзия дешевизны и неисчерпаемости ресурсов. Вот и процветает бесхозяйственность.

Сегодня только на стадиях добычи и обогащения теряется более 25 процентов черных и цветных металлов, более половины калийных солей, ежегодно около ста миллионов тонн угля... Миллиардные убытки. Страдаем от собственной же неорганизованности, живем интересами одного дня. Более того, узакониваем это. Скажем, нормы расхода топлива в нашей стране в 2,5 раза выше, чем в развитых капиталистических странах. Мы ежегодно производим 125 миллионов тонн проката — никто в мире не достиг таких впечатляющих показателей. А в США, к примеру, выпускается всего 60 миллионов тонн проката и еще 25 ими закупается, но машиностроительной продукции Соединенные Штаты производят в два раза больше нас. А нам хронически не хватает металла. Впрочем, это и неудивительно: одной только стержни мы «производим» столько, сколько США, Япония и ФРГ, вместе взятые.

Долгие годы работали по принципу: план любой ценой! Затраты? Не беда,

возместим ценой. И возмещали. Цены распухали, а качество продукции было ниже всякой критики, не снижалась себестоимость. Промышленность перестала отвечать за свои же собственные убытки, мол, государство все спишет. Теперь не спишет. С 1 января 1990 года предполагается ввести новые оптовые цены и тарифы на услуги транспорта и связи, а с 1 января 1991 года — закупочные и сметные цены...

Комплексный пересмотр цен должен пройти в крайне сжатые сроки: надо своевременно создать необходимые условия для разработки народнохозяйственного плана на 1991—1995 годы в новых ценах. Медлить нельзя — того требуют интересы перестройки. Цены приблизятся к мировому уровню. Они значительно повысятся на сырье, металлы, энергию... На топливо в два раза, а на нефть, к примеру, почти в три... Эти меры, конечно же, оздоровят хозяйственную жизнь — придется считать каждую копейку, каждый килограмм, а то и грамм сырья.

Гораздо шире будут практиковаться договорные цены, то есть цены на основе договора между производителем и торговлей.

— Всегда ли договорные цены будут увязываться с интересами людей? Ну, скажем, промышленность и Минторг придут к соглашению о повышении цен...

— На новую производственно-техническую продукцию органы ценообразования будут устанавливать базовые, предельные цены. То есть производитель и торговля смогут договориться только лишь в пределах допустимого. А на так называемые структуроопределяющие цены — на топливо, сырье, основные продукты питания — влиять будет только одно ведомство: Госкомцен СССР. Самодеятельность исключается.

Да и не забывают, предприятия начнут работать в принципиально новых условиях — они будут нести максимальную ответственность за конечные результаты хозяйственной деятельности. Они, как того требует Закон СССР о государственном предприятии (объединении), обязаны обеспечивать рентабельность и безубыточность своей работы, эффективно использовать ресурсы. А может ли завод быть безубыточным, если его продукция не найдет спроса? Понятно, нет. Стало быть, чтобы не «прогореть», придется ориентироваться на рынок, учитывать позицию и настроение потребителя, рачительно относиться к ресурсам. Неэффективные производства изживут себя: они либо перепрофилируются, либо их придется закрывать.

— Владимир Иванович, а Госкомцен и ваш институт какую займут позицию? Как прежде, позицию стороннего наблюдателя?

— Мы тоже перестраиваемся, пересматриваем свою работу. Задач у нас немало. К примеру, одна из главных — формирование цен на научной основе. Но что касается промышленности, производства товаров народного потребления, то здесь комитет займет четкую и принципиальную позицию: все договорные цены будут тщательно анализироваться, чтобы не допустить монополий, наживы, всевозможных перекосов. На местах создаются научно-методические центры и центры контроля.

— Ну, а если предприятие проигнорирует нормы, установки и сознательно пойдет на нарушения?..

— Оно будет наказано — и не своим ведомством, министерством, а Госкомитетом по ценам. Каким образом? Из бюджета нарушителя вычтут все незаконные доходы, и ему придется уплатить штраф. В условиях хозрасчета санкция серьезная.

Комитет призван защищать интересы как государства, так и трудящихся. Вне всяких сомнений: не может быть единой политики в ценообразовании на предметы первой необходимости и так называемый престижный ассортимент товаров.

— Владимир Иванович, а не пора ли пересмотреть цены на «предметы

роскоши» — ведь то, что еще вчера можно было назвать роскошью, сегодня было обычной вещью, предмет первой необходимости, а цена «кусаются». Скажем, разве правильно в северных районах, в средней полосе России считать роскошью меха?

— Переосмысление товарных ценностей — закономерное явление в жизни общества. Автомобиль, радиотехнику, персональный компьютер, видеомагнитофон сегодня не назовешь роскошью. Но если с развитием промышленности в ближайшее время можно существенно снизить цены на электронную и другую продукцию, то этого не сделаем в отношении натуральных мехов. Выращивание соболя или песца — дело чрезвычайно хлопотное. На такие меха цены останутся высокими.

— А легковые автомобили? Их реальная цена 1500—3000 рублей, а продаются по 8000—10 000 рублей.

— Цены на автомобили надо понижать, но пока трудно сказать, на сколько, все будет зависеть от конъюнктуры спроса и предложения. Наша автомобильная промышленность, выпуская почти полтора миллиона легковых машин в год, пока бессильна удовлетворить спрос населения. Если же снизить цены, допустим, до двух тысяч, то начнется спекуляция. Надо реально смотреть на вещи.

— А зарубежные фирмы? Что мешает пустить их автомобили на советский рынок?

— Тогда нам придется расплачиваться либо валютой, золотом, либо дефицитным сырьем. Так недолго и разориться. Надо свою автомобильную промышленность поднимать до мирового уровня. Других путей нет.

— Владимир Иванович, наших читателей интересует, изменится ли плата за квартиру, коммунальные услуги.

— Квартплата не менялась в нашей стране с 1928 года. Она и половины расходов не покрывает. Наш институт готовит предложения по упорядочиванию оплаты жилья. Оплата электроэнергии, природного газа, воды должна быть увязана с реальными затратами государства.

— А как вы считаете, Владимир Иванович, справедливо ли, когда один человек занимает двух-трехкомнатную квартиру, живет в прекрасных условиях, престижном районе и платит за квадратный метр столько же, сколько семья, занимающая двенадцатиметровку в коммунальной квартире?

— Мое мнение: это один из примеров социальной несправедливости. Скажу больше. Наш институт в свое время предложил ввести более гибкую, дифференцированную квартплату с учетом планировки, площади, качества жилья, его оборудования и так далее. Нас тогда не поддержали. Тут не все так просто, как кажется. Ведь многие имеют небольшой доход, но живут в отличных квартирах, прекрасных районах. Увеличивать им плату? А как же быть с социальной справедливостью? Потом, в стране нет единых норм жилой площади. Так, если в Москве она 12 квадратных метров на человека, в Киеве — 13,6 метра, то в другом городе норма иная. Вновь проблемы. Но есть, однако, случаи, когда люди халатно относятся к жилью, содержат его в запущенном состоянии, торгуют метрами, имеют излишки жилья... Словом, над этим вопросом еще предстоит поработать, и не только в НИИ цен.

— Владимир Иванович, мы говорили о многих товарах, но, думается, упущен главный, особый товар — деньги. Напрашивается вопрос: нужна ли в нынешней экономической обстановке денежная реформа?

— По этому вопросу у специалистов и ученых самые различные мнения. Одни считают, что реформа необходима, а другие, напротив, отрицают ее. И хотя известно, что реформы не будет, лично я за денежную реформу. Как вы знаете, в нашей стране она проводилась трижды.

Первая — в 1922—1924 годах. Тогда

Вот она — и перед глазами, и в памяти, а как подступиться, где слова искать чуду этому ровень?

Ни красоты, ни славы не прибавит и сопутная ей легенда о творце ее несторе, ошеломленном содеянным и забросившем топор в озеро, дабы не приступить никогда к дерзновенной мысли повторить чудо. Одно только и остается примолвить: о Преображенской церкви Кижского погоста пойдет речь.

О том — для начала, — что под убором неповторимой красоты таит она и другое, глазом неприметное, но тоже неповторимое — саму себя от стихий, непогод оберегающую премудрость. Каждой дождевой капле указан свой путь, чтобы не заблудилась, не задержалась ненароком где не надобно, а по хитроумным водовадам ушла бы в землю. Да только и эта премудрость — малая всего лишь частичка, мужичком неким примысленная к сбережению церкви от болезней, от старости, а дальше мастер и не мудрил, потому как по тогдашним меркам к простейшим причислялась она сооружениям — «летним» или «холодным». Тут-то и нам подивиться да руками развести: сруб сложен «насухо», а стало быть, ни мхом, ни паклей венцов не прокладывали; ни зимних рам, ни дверей двойных не врубали; пол и потолок настилали неутепленными; печки даже сложить как будто и не удо-

сужились. А выходит, этими самыми «не» и «ни» век жизни продлен преднамеренно, потому как долгим опытом отмечено было: «холодная» постройка и без подогрева, одной естественной вентиляцией — через щели в срубе, в потолках да с помощью проемов, на глазок будто бы и рубленных, — сама себя просушит, обогреет, в нужный час остудит и стоять будет целехонька долгий век. А там, глядишь, потомки и поразумней что вымыслят, чтобы и вовсе неизбывен был ее срок. К исходу третьего столетия и наше уже поколение свыкнуться успело с ласкающим слух благозвучием, с как бы зовущим к себе порхающую рифму чистым и звонким этим словом — Кижы. Нынче — как железом по стеклу...

Откуда, с чего накатила беда? Видно, в одном только и просчитались строители, понадеявшись на прибывающий разум потомков. Пришла пора по счетам платить, а выходит — нечем. Проглядели за большущими цифрами музейного бума? Тут не без греха. Но и того не утаить, что ни у химиков, ни у физиков руки не дошли присовокупить к сбережению великого памятника опыт всесильных своих наук, а «лирикам» одним не по плечу вышло. И вот грянуло: Преображенская на ладан дышит!

И что же делаем мы? А похоже, то и делаем, что стоим, глядим и, как робкий на пожаре мужичок, по голенищам себя хлопаем: «Ой, завалится! Ой, порушится! Ой, во прах обратится!.. Давай раскатывай по бревнышку — все одно не устоит!» И уж принялись было...

В суматохе не разобрать, из которого кабинета грянул запов хором поддержанной отходной, но глазом

моргнуть не успели, бумага явилась: «Подробная экспертиза всех деталей церкви показала, что «обрушение» может произойти в любой момент — бревна в стыках давно искрошились, древесина поражена болезнями». Читай: панихида заказана. А дальше пуще — пошла писать губерния!

Не очухались еще от первого удара, а постановлений, проектов скоропалительных превеликий уже избыток. Бумажный этот водопад низвергался под такой мощный аккомпанемент поисков виновных, будто в нахождении оных и заключено спасение памятника. Так, на пике «кижского бума» вспомнили Александра Викторовича Ополовникова. Виднейшему архитектору-реставратору, в сущности, и открывшему в 50-х годах Кижы для широкой общественности, в вину поставлено было снятие с памятника тесовой обшивки. Сейчас вдруг увидели в этом корень зла и все последовавшие от сего беды. Но давайте все же поумерим пыл, разберемся по справедливости. Допустим, снятие обшивки было

ДРАМА КИЖЕ

не лучшим решением в пользу сохранности памятника, «привыкшего» за последнее столетие к своему «футляру». Так ведь дело еще и в том, что теперь трудно ответить на вопрос весьма здесь важный: болезни памятника начались, когда сняли обшивку, или, когда ее сняли, эти болезни обнаружались? Вопрос дискуссионный, решать его специалистам. Нас интересует моральная сторона дела, а значит, правомочность обвинений.

Вспомним-ка 50-е годы — ненастную ту пору бытия архитектурных

наших памятников, когда ставились последние в одну строку с «религиозным дурманом», когда, по слову поэта, «поспешно разбирались церкви и долго строились ларьки». Теперь уже не секрет, что в послевоенные годы «стоял вопрос» разобрать Преображенскую церковь на дрова! Жутко вспомнить, а памятью не обойти да и усомниться нельзя: тысяча двести кубов отменного леса мозолили глаза многим, и вот-вот должны были «сделать план» по лесозаготовкам надрывающемуся и в иных заботах колхозу, а заодно и в зачет пойти истовым деятелям «антирелигиозной пропаганды»... И вот в те самые времена, не убоявшись обвинений в «религиозной агитации», в «политической близорукости», приходит на Кижь человек спа-

сать церковь. Это нынче такие обвинения звучат дикостью, по тем временам дело могло обернуться куда как круто. Не сбросим со счетов и этого обстоятельства.

Что же до обшивки, которую снял в процессе реставрации Ополонников, то видится в этом и хорошо рассчитанная тактическая обдуманность: снимает он ее в надежде, что первозданная красота памятника заставит обернуться тех, у кого глаза на затылке, и могучей неотразимостью прошибет самых толстокожих крушителей отечественного прошлого.

Сложим теперь, сочтем и получим: при необходимости тесовую обшивку можно восстановить без ущерба памятнику, а по сути-то дела, Ополонников спас жемчужину Кижей в самый, быть может, тягчайший час ее истории, когда судьба памятника висела на волоске. И не ему ли обязаны мы и тем, что на месте кижского чуда не обретается сегодня мясомолочный, скажем, комплекс, птицефабрика или что-то другое, могущее быть результатом непредсказуемого «волевого решения», возникшее, как в те времена бывало, «по многочисленным просьбам трудящихся»? Примеров тому тьма, и не шепотком говорим мы об этом сегодня, но ведь та же гласность и о делах нынешних тоже в полный требует говорить голос. А коли так, утаить нельзя: настал час спасать Кижь... от реставраторов!

Расшифровывая более чем странное на первый взгляд утверждение, начать придется с пресловутого железного каркаса, о котором благодаря резонансу, им вызванному, знают сегодня, пожалуй, не меньше, чем о самой Преображенской церкви. Чудовищность этой акции очевидна: для «внедрения» гигантской металлической конструкции потребовалось перерубать, пропиливать внутренние бревенчатые связи и буквально дырявить венцы сруба трехсотлетнего почти возраста!

Как можно было на такое решиться? У кого поднялась рука? Неужели среди вершителей судьбы Преображенской церкви не нашлось профессионала, понимающего, к чему это ведет? Не нашлось. Не нашлось, очевидно, потому, что в недавнее время царило то, с чем сегодня мы только начинаем бороться, хотя, признаемся, успехи в этом деле

весьма еще скромны. Есть тому и причины.

В недавние времена такие вопросы обсуждали только чиновники. Они же выносили решения. Нынче обсуждают с привлечением специалистов. Но решения по-прежнему принимают чиновники. Чем иначе объяснить ситуацию, последовавшую буквально за «приговором» Преображенской церкви, исходившим из кабинетов, никакого отношения ни к архитектуре, ни к охране памятников — судя по всему! — не имеющих? Ситуация же, документами подтвержденная, такова.

Свидетельствуют специалисты: «Измеренная прибором РГД-2 плотность древесины сруба показала, что 94 (!) процента бревен практически соответствуют плотности древесины сосны, произрастающей в южной части Карелии». Другая группа специалистов, применявшая «огнестрельный» метод исследования плотности той же древесины, столь же недвусмысленно констатирует: «Сруб Преображенской церкви не требует перестройки и после проведения инженерных работ по укреплению конструкции может эксплуатироваться в первозданном виде еще весьма длительное время».

Вывод напрашивается сам собой: рано кинулись отпевать великий наш памятник — до отходной дело, слава богу, не дошло. Но в это самое время является мигом утвержденный проект... расчленить Преображенскую церковь на четыре фрагмента, свезти их в дальний конец острова, а на прежнем месте соорудить макет в натуральную величину. Шелест бумаг в ведомственных кабинетах сменяется лязгом железа на острове Кижь — в Преображенскую церковь вламывают каркас!

Воистину велика и непостижима тайна, хранящая за двойными дверями, но и, оберегаемые бдительными секретаршами, не в силах они скрыть сегодня правды: кто подписывал бумаги, мы знаем — Министерство культуры РСФСР. Познакомимся с исполнителем.

Выступает в этой роли детище того же министерства — объединение «Росреставрация», оно же, кстати, автор и самого «проекта века», оно же и его оппонент. Вот так: и швец, и жнец, и на дуде игрец, да и сам себе под крылом Минкультуры полновластный хозяин, — дальше министерства прыгать, как говорится, некуда, а своя рука владыка.

На откуп «Росреставрации» отдано каменное и все без остатка деревянное наше зодчество, и, понятно, воруется она миллионами немалыми. Грех тут особого вроде бы и не видно, но собака зарыта здесь: неповоротливый и, что более важно, не-

только по принципу «если делать, то по большому». А коли так, то и в нашем случае интересует «Росреставрацию» не столько судьба Кижей, сколько объем работ, который там можно развернуть. Отсюда — грандиозные проекты реставрации там, где требуется элементарный ремонт. Еще интереснее система отношений между памятником и «Росреставрацией». Поясним примером.

В один дождливый день в музее «Кижь» заместитель директора по реставрации обнаруживает, что потекла кровля музейного амбара. Что должен делать заместитель? Звать плотников или самому лезть на крышу, благо не министерский сотрудник и с работой топором знаком не понаслышке? Нет, не догадаетесь — что, а потому объясню:

он должен доложить директору музея, который должен написать письмо в Минкультуры КАССР, которое должно написать письмо в Минкультуры РСФСР, которое должно написать письмо генеральному директору объединения «Росреставрация», которое должно написать письмо директору своей мастерской в Петрозаводске,

который должен дать письменную команду прорабу реставрационного участка в Кижях залатать прохудившуюся крышу амбара.

(На какой стишок это похоже, известно; но в тех же скобках замечу: прораб и заместитель по реставрации, обнаруживший протечку, обитают на о. Кижь под одной крышей, разделенные тоненькой тесовой перегородкой... и толстенными ведомственными барьерами. Но об этом — пока только в скобках. Подробнее — в своем месте.)

А между тем многоактная эта комедия идет с положенными антрактами и в конечном счете оборачивается драмой: осенние дожди сменяются зимними снегопадами, весенние оттепели — летними ливнями...

Посмеяться бы тут впору, да грех — горькая получается картина. Впрочем, стоп!.. Когда эти заметки готовились к печати, стало известно, что на Кижях создана бригада плотников, получившая право производить мелкий ремонт без министерской, представьте себе, санкции! Лед тронулся, но радоваться рано — до настоящего «ледохода» дело еще не дошло: все, что касается крупных объектов, составляющих основной фонд музейных памятников, по-прежнему сковано крепким льдом матерого бюрократизма. Судите сами.

Случилось то, что называется аварийной ситуацией, — ураган снес кровлю. Необходим срочный ремонт памятника, но... Оказывается, «еще более необходимо», чтобы эта работа «вошла в план». А чтобы она в него вошла, нужно предупредить о ней проектную организацию заранее, если быть точными, за три года (до урагана?); тогда она «возьмет задание на проектирование». Это год. На второй «выдаст» документацию, которую направит обратно — в музей на корректуру. В музее ее подпишут и возвратят обратно — в ту же самую проектную организацию, теперь уже в производственный отдел, который и включает (или не включает) эту работу в план — на третий уже, как получается, год. Но это еще не все, потому как потом нужно «подавать заявки» — сначала на материалы, потом на обеспечение, чтобы банк «открыл финансирование» именно на указанную работу. Если же в течение этих трех лет потребуются другая, столь же срочно памятнику необходимая, денег на нее банк не даст — это уже не по его ведомству.

Отыскать здесь каплю здравого смысла я не могу. Ясно одно: между памятником, который просит помощи, и реставратором, который должен ее оказать, нагромождается лабиринт из барьеров.

Упомянутый этот лабиринт буквально опутал дело реставрации, и все возможные пути без того запутан-

ных ходов засорены, завалены подобно тем самым мифическим конюшням. Факт этот давно известен, но, созная положение дел, похоже, мы ждем, когда объявится Геракл и расчистит авгиевы конюшни ведомственности. Прошу простить за незнакомое древним слово, но дело, о коем речь, мифом тоже не сладить. Нужны современные средства.

Они есть: удалить из дела реставрации и охраны памятников явный, совершенно очевидный избыток переписчиков и переключателей (с места на место) бумаг. Если же по техническим, так сказать, причинам сделать это сразу трудно, то давайте пока хоть подчиним, сколько рабочих рук может освободиться для народного хозяйства! Поверьте, говорю это не в обиду, потому что знаю: сидят в этих ведомствах люди с высшим, часто специальным образованием, но которых можно использовать по другому назначению — в той же самой музейной, но реальной работе. Так что ни о какой иронии с моей стороны, ни о какой безработице — с точки зрения проблемы — речи быть не может. Проблема в другом — в «кресельной» психологии тех, кого сама жизнь подталкивает сегодня всего лишь переменить место.

Ох, кресло, кресло! Только теперь начинаем мы осознавать, сколь велика твоя сила! Какой же мертвой хваткой приходится мною за тебя держаться, чтобы в постоянном напряжении создавать видимость работы. Потому и говорю я «видимость», что на поверку работа эта никакого отношения к реальности не имеет, а, хуже того, порой достигает высот гиперболического абсурда.

Вот передо мной генплан развития музея-заповедника «Кижь» рождения 1972 года. Черным по белому здесь сказано, что работы должны быть завершены к 1980-му; сегодня же, если мне не изменяет память, 1988-й. Но это «мелочи». Главное — каков план: вертолётные площадки, гостиница на двести пятьдесят мест, туристический центр по последнему, так сказать, слову, намытые мысы, паром, курсирующий между островами архипелага... Впрочем, продолжать дальше пришлось бы только для завзятых любителей фантастических романов. И все же, что скажете, читатель? Хоть стой, хоть падай: Нью-Кижь — и только!.. Да знают ли создатели и утвердители фантастического этого плана, что на Кижь дрова-то завезти — проблема, что природой самой не приспособлены кижские шхеры для большемерных судов и лодка с подвесным мотором — единственное средство подхода к памятникам «Кижского ожерелья»?.. Вот уж вправду, бумага все терпит, особенно когда писец не обременен чувством реальности. А и помимо того, берясь за такое дело, иметь бы нужно элементарное чувство такта и художественного чутья. Ведь, несмотря на высочайшую всемирную ценность, Кижь по духу своему да и местоположению обращены все-таки к камерному, если хотите, восприятию, к интимным человеческим чувствам — как некая тайна, скрытая во глубине России. Проекты превращения Кижей в центр «туристической индустрии» погубят и памятник, и весь этот заповедный таинственный край.

Говоря об этом, знаю, что рискую навлечь на себя неодобрение тех, о ком здесь речь, но и не сомневаюсь в поддержке всякого, кто бывал на Кижях. Автору посчастливилось побывать там в разные годы; на сей раз совсем недавно, но, к сожалению, не для того, чтобы любоваться красотой Преображенской церкви, — она по-прежнему заключена в крепкую решетку лесов. Не решаясь поверить, что затянутаеся это заключение может обернуться пожизненным, хотел я выяснить: есть ли средство сделать так, чтобы, стряхнув с себя вместе с вечными реставрационными лесами и горы постановлений, обрел бы великий наш памятник достойную его жизнь? Что для этого нужно?

— Нужен свой эксплуатационно-ре-

ставрационный участок. А возможен он только при условии полной самостоятельности музея.

Ответ прозвучал в три голоса: директора музея Михаила Лопаткина и двух сотрудников — Геннадия Бурканова и Сергея Куликова. Отчества опуская по причине молодости моих собеседников. О молодости же говорю для тех, кто ею объясняет максимализм их требований.

Что касается «максимализма», о нем чуть ниже. А вот отдачу от задуманного, спланированного, а как оказалось, и начатого уже дела обещают они действительно серьезную. Это-то и настоятельно многих «руководящих товарищей»: наобещают, мол, с три короба, дров под эту марку наломают, а там поминай как звали — на другую махнут работу или на пенсию время подождет.

Что ж, скептицизм вполне объяснимый — многие годы такая, с позволения сказать, практика была почти что правилом: запущенные музеи, разваленная работа наказывались переводом на другую или пенсией, часто персональной. Многие годы — да, но не сегодня. А в порядке справки скажу: в тридцать лет до пенсии далекоато; другую же искать работу, хотя и ставят им палки в колеса весьма старательно, искать эти трое единомышленников не станут по той простой причине, что приросли к Кижам настолько крепко, что и зарплата, более чем скромная, пыла не остужает. И не только об этих троих кижанах в данном случае речь. За сто с небольшим рублей истоиво трудится почти что каждый здешний музейщик. Да не почти, просто каждый, ибо приживается тут и в кижскую землю вырастает исключительно тот, кто работает, под локоток не глядя. А чтобы не усомнился читатель в моем, автора, впечатлении, привожу одну запись, но внимание особое обратить прошу на заключительную фразу:

«Кижь — это не только памятник русской, карельской или в целом всеобщей культуры — это памятник Мировой культуры. Работники Кижей — деятели мировой культуры».

Д. Лихачев. 19. VII. 86..
Далее не комментирую, потому как не охотники кижане до словословий — ни себе, ни своим делам, но пример того, что коллектив Кижей — организм особенный, приведу.

Когда зашла над Кижями гроза, когда молнии утвержденных уже «проектов века» готовы были обрушиться на заповедный остров, ударили кижане в набат. Не думая о последствиях, персональной ответственности, «не согласав» с Петрозаводском и Москвой решили: общее собрание. «Общее» — в прямом смысле этого слова: от директора до уборщицы и ночного сторожа. В каком еще, скажите, музее ставятся на всеобщее обсуждение «сугубо научные» вопросы? А вопрос был тот самый — гамлетовский: быть или не быть? Утвержденные высокими ведомствами проекты представлены были во всей своей красе и на всеобщее обозрение. Специалисты музея прокомментировали их так, что технические проблемы не заслонили главного — моральных.

Я не был на этом собрании, но доподлинно знаю, что две сокрушительные статьи в «ЛГ» — его следствие. «Кижский вопрос» перестал быть предметом келейных ведомственных споров, став достоянием всенародным. В благотворности такого оборота событий трудно усомниться — «проекты века» сброшены в бумажный отвал.

Так выигран был первый бой. Правда, без выговора директору дело не обошлось — «за нарушение субординации». Не знаю, готов ли он к следующему, потому что бои, по всему судя, еще предстоят и субординацию нарушать тоже придется. Удачу ему!

И здесь не могу я обойти вниманием обстоятельство весьма существенного: новое руководство пришло в музей, когда на Кижях был самый пик неблагополучия — каркас «внедрен», проблем накопилось пруд пруди, а «сверху» тре-

буют срочно исправить положение, в котором, говоря открытым текстом, сами же виновны. Зная об этом и отворив дверь директорского кабинета, собрался я было потянуть за цепочку вопросов о пресловутой, хотя и впрямь серьезнейших проблемах Кижей, но осекся на первом же, пресеченном фразой Лопаткина:

— Хватит проблем. Нужны решения.

Не могу, однако, сказать, чтобы недвусмысленное это утверждение полностью меня обезоружило. Понимая, что проблема кижских проблем — Преображенская церковь — сегодняшнее ее состояние и завтрашний день, я знал, о чем и даже о ком персонально пойдет прежде всего речь.

Сегодня в деле реставрации памятников деревянного зодчества появилось новое имя — Александр Попов. О нем говорят в кругах специалистов, ЦТ сняло фильм, ему посвященный, газетные публикации называют Попова единственно возможным «исцелителем», которому можно доверить первейший наш памятник. Скажем сразу, все это весьма далеко от дешевой сенсационности: Попов — фигура действительно уникальная.

До сих пор — почти устно — приняты были у нас четкие подразделения: реставратор-архитектор, реставратор-плотник, реставратор-инженер. Попов соединил эти ипостаси в одном лице, как и заведено было, когда по всей Северной Руси на берегах рек, озер, в лесных глухотях ставили русские мужички до нынешних дней дожившие чудеса. Работает Попов теми же инструментами и теми же приемами, ни на йоту не отходя от старинной, тех самых времен, технологии, хоть и неуместно здесь современное слово. Результаты его работ, особенно последней — шатровой церкви Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге, говорят сами за себя. В Кижях — а уж там-то знают, что в этом деле почем, — перед его мастерством преклоняются и считают: если кому и пришлось бы доверить перестройку Преображенской церкви, быть этим человеком может только Попов. Но речь идет — заметьте это! — о перестройке. О хирургической, если хотите, операции. А продолжая параллель, вспомнить нужно будет и слова великого хирурга о том, что лучшая его операция та, которой удалось избежать.

Думаю, этим поставлены все точки над «i», и понятна позиция нового руководства музея: сохранять то, что есть. Подчеркиваю: не макетировать, не перебирать, но сохранять.

Но как же сохранять, если каркас, выражаясь почти буквально, наломал дров? Вытаскивать его сейчас без точных инженерных расчетов — значит наносить памятнику новые травмы. Есть, впрочем, у нового руководства мысль использовать каркас в качестве подспорья к очередным реставрационным работам. Однако для этого прежде всего нужно убедиться, что сам по себе каркас работает, то есть держит вес. Вопрос в том, возможно ли это сделать сегодня.

Простым взглядом — сам тому свидетель — видно, что между срубом и каркасом вставлены клинья. Обыкновенные деревянные клинья, которые приходится подбивать в зависимости от погоды — степени влажности воздуха. Но допустим, что это еще не доказательство того, что каркас «не держит вес», хотя... но допустим. Тогда руководство музея просит специалистов ответствующего НИИ дать на этот счет компетентное заключение. После визуального осмотра те делают вывод: это две автономные конструкции — отдельный каркас, отдельно сруб. Но, оказывается, и это еще не доказательство для тех, кому следует доказывать, — нужны показания приборов. Ну что ж, дирекция договаривается со специалистами крупного завода, который эти приборы (тензометры, для точного замера нагрузки и веса) готов предоставить. Дело, кажется, идет к развязке. Но поставить приборы музей, оказывается, не имеет ни юридического права, ни

финансовой возможности: «Росреставрация» к любимому своему детищу — каркасу — никого, кроме своих сотрудников, не подпускает. Но почему? А потому только, что если прибор покажет, что каркас «не взял вес», «Росреставрация» придется расплатиться в том, что вся эта гигантская ее затея искалечила памятник, да притом еще за огромные деньги. А это уже, согласитесь, серьезно даже для такого могущественного колосса, как «Росреставрация». Не заставит ли это задуматься вообще о целесообразности существования объединения? Дальше «еще страшнее» — вдруг и Минкультуры услышит то, что всем известно: повсеместная зависимость наших памятников, безмерный централизм в деле реставрации ведут, в сущности, к невозможности элементарного контроля, а тем самым губят дело.

Все возвращается на круги своя, и как ни стараемся мы вести разговор только о кижских проблемах, сам собой соскальзывает он в наезженную колею, ведущую в тупик той же самой ведомственности. Просто Кижам «повезло» здесь больше, чем кому-либо другому. Признаться, не могу даже толково ответить на вопрос: а к кому, собственно говоря, Кижки относятся? Пусть попробует читатель.

Территориально находится Кижки на землях совхоза «Прогресс» Медвежьегорского района, но административно относятся к Ленинскому району города Петрозаводска; люди, которые здесь работают, прописаны между тем в Сенной Губе и по этой причине не могут пользоваться городской поликлиникой, а чтобы, скажем, жениться или, извините за подробности, развестись, ехать нужно в Медвежьегорск, хотя до Петрозаводска — час на «Комете». Кстати, о ней: швартуется «Комета» у мостков, начало которых принадлежит Беломору-Онежскому пароходству, середина — ресторану, а конец — музею.

Однако эта чересполосица и разноречивостью в территориально-административном положении не самое главное. Куда важнее выяснить, от кого Кижки зависят и какой необходимостью эта зависимость вызвана. Но тут одни вопросы.

Почему, собственно, музей, его работа должны зависеть, скажем, от ресторана, подчиненного, естественно, ведомству, отношения к культуре не имеющему, а потому и появляющемуся у берегов острова значительно позже начала туристического сезона и отбывающему обратно много раньше его завершения? Почему музейная работа должна страдать оттого, что людей, приезжающих на Кижки, расположенная на его территории «Союзпечать» щедро снабжает открытками и буклетами с видами Самарканда, Бухары, острова Пасхи, а то, что касается Кижей, здесь и не ночевало? И почему Книготорг сбывает у ворот заповедника залежавшийся в городе товар, также не помышляя об интересах музея и его посетителей?.. Продолжить список организаций, от которых зависят — а подчас и страдают! — Кижки, считать придется до девятнадцати — не многовато ли? Время подумать, как выбрать из запутанного и бесполового положения. Впрочем, в музее об этом уже подумали и предлагают вот что.

Если в двух словах, речь идет о создании фирмы «Кижки».

Года два назад самый факт такого предложения, да исходивший еще, так сказать, снизу, произвел бы впечатлительные разорвавшейся бомбы. Но и сегодня резонанс, хотя и не такой громкий, все же последовал: помните, упомянули мы о «максимализме» требований, в котором обвиняют новое руководство музея? Не будем, однако, забывать, что сегодня такая перестройка, продиктованная временем, получила к тому же и юридическую основу — «Закон СССР о государственном предприятии (объединении)». Перейдем, впрочем, с юридического языка на более нам привычный.

В сущности, музей требует права на свободу действий, которого до сего дня он практически и даже теоретически

лишен. Лишен он даже права быть заказчиком по реставрации — факт, и без комментариев вызывающий изумление. За горами постановлений, за штабелями проектов, похоже, проглядели реальный выход из создавшегося положения. А заключаются он в том, что постоянный эксплуатационно-реставрационный участок на Кижках — единственное на сегодняшний день средство спасти и сохранить памятник.

Впрочем, и понимая это, так сказать, общее положение, необходимо иметь в виду, что среди многочисленных наших музеев-заповедников «Кижкам» нет аналога. Суть этого музея, его уникальность — в живых связях с людьми, здесь обитающими, а изначальная концепция развития «Кижей», заложенная четверть века назад, вела, в сущности, к разрушению этих связей, потому что музей развивался однобоко, «экстенсивно», как теперь принято говорить. На остров свозились памятники, обозначались охранные зоны, но при этом не думали о людях, живущих на Кижках, — представителях и хранителях древней культуры, об их укладе, быте, ремеслах, которые складывались истари и сами по себе должны были стать неотъемлемой частью музея-заповедника. Пагубность проводившегося в 50-е годы «укрупнения» бедой отзывалась не только на сельском хозяйстве. Когда-то с Кижей и окрестных деревень в один призыв по семьдесят парней уходило в армию. Потом кижан лишили даже школы, и выросло уже поколение родившихся на Кижках, но с семи лет по чьему-то глубокомысленному головотряпству вынужденных прощаться с родной землей и навещать ее дачниками. Так исчезла на Кижках социальная сфера, без которой невозможно сохранить культуру прошлого, а ведь «Кижки» — это не только собрание пусть и первоклассных памятников зодчества. Это понимает новое руководство музея, и это определяет главное направление задуманной работы.

Конечно, возродить заповедный край — дело не одного года, но оно продумано и уже началось без затянувшегося, как всегда, утверждения «сверху». Не знаю, поднимется ли какая-нибудь ведомственная рука наградить «неутвержденную» инициативу очередным выговором?.. Но продолжим разговор о фирме «Кижки».

Хочу обратить внимание читателя на одно весьма существенное обстоятельство: в основе предлагаемого плана лежат моральные побуждения — у музея появилась потребность «жить на свои» (да простится автору непривычная здесь бытовая терминология). Но то, что предлагается, тщательно рассчитано и в конечном итоге ведет к переменам экономическим. Рассуждают здесь так.

Существует в музейном деле так называемая расчетная стоимость одного туриста. Посещение «Кижей», например, обходится в пять рублей. Турист же платит только два рубля, следовательно, три доплачивает государство. А почему, собственно, государство должно платить? Что это, медицинская помощь?.. Есть, казалось бы, простой способ: повысить стоимость билета до пяти рублей, и дело с концом. В торговых сферах так и поступают. Здесь считают, что делать это по меньшей мере безнравственно, если одновременно не повысить качество обслуживания. Задача состоит в том, чтобы дать возможность человеку самому и с охотой потратить здесь эти деньги. Словом, дело идет к хозрасчету, но только — на крепком моральном основании. Вопрос, как это сделать, чтобы коммерческие интересы не превысили этических. Дело, впрочем, уже двинулось.

Так, на договорных началах в специально отведенном музеем помещении профессиональные и самодельные художники продают свои работы — живопись, графику, посвященные, конечно же, кижской теме, Заонежью, а не Бухаре или острову Пасхи. Похоже, скоро «Союзпечать» придется вывозить с Кижей на материк «инородные» свои буклетики нерасплакованными пачками.

Судя по всему, и другим «торговым точкам» на острове предстоит благополучно «заваливать план», — настоящие кижские сувениры, сработанные местными умельцами в народных традициях старинных ремесел и прямо на глазах посетителей, в два счета оставят позади ту ширпотребную чушь, которую до сих пор валила на Кижки торговая база и которую здесь весьма едко называют «лагерным китчем».

Но боюсь, раньше времени открываю тайну, и опять на головы кижских энтузиастов посыплются ведомственные кары, хотя, надеюсь, до этого все-таки не дойдет, — ведь результаты уже налицо: только за последние месяцы от весьма скромных процентных отчислений в доход музея уже не одна прибыла тысяча.

Согласны, рядом со словом «музей» не привыкли мы как-то ставить другое — «прибыль». А почему, собственно, нет? Не будем ханжками, тем более что в данном случае все построено на трезвом и с этической стороны неуживимом расчете. В конечном итоге прибыль пойдет на нужды музея, скажем, на ту же самую реставрацию памятников «Кижского ожерелья». Сегодня, мелком только видимые туристами с борта «Кометы» и совсем невидимые из московских кабинетов, они тоже просят помощи, но, получив ее из собственного, музейного кармана, станут доступными экскурсантам, что — опять-таки вполне понятно — ведет к той же прибыли, употребить которую можно будет на поддержание этих же памятников в надлежащем экспозиционном виде. Так что не нужно стесняться слова «прибыль» даже и в таком высоком духовном понятии, как музейная работа, к тому же если прибыль сама по себе не цель, а средство эту самую работу поставить на уровень, ее достойный. Но позволю одно маленькое замечание.

Речь о том, что соотношение эстетики и коммерции — дело не только тонкое, но и небезопасное. Не случится ли так, что стремление к прибытку «музейной казны», даже и с самыми благими намерениями, превысит главную задачу — просвещения и воспитания? Не вкрадется ли в дело торгашеский духок и не прибьются ли сюда те, кто захочет погреть руки возле благородного дела? Словом, не окажутся ли среди реализуемой продукции вещи слабые в художественном отношении, а то и просто халтурные? Отвечаю: такая опасность пресечена в самом начале — контроль за всей предлагаемой к продаже продукцией осуществляет Ученый совет музея. Других гарантий, думаю, нам, не нужно.

Пора, кажется, подвести итог и все-таки сказанному.

Итак, музею «Кижки», как, впрочем, и всякому другому, нужны средства. Но в отличие от других он не просит их у государства. Он просит права эти средства заработать, и с одной лишь целью — дать жизнь музею, сохраняя его памятники и возродив утраченную в былые годы социальную сферу. Дело это трудное не столько по объему работ, сколько, быть может, по той ответственности, которая ложится теперь исключительно на плечи людей, за него взявшихся, ибо делить ответственность, как это прежде бывало, между «ведомствами», «инстанциями», «смежниками» и т. п. уже не придется.

Не хочу, однако, чтобы читатель подумал, что все это похоже на весьма все-таки рискованный эксперимент, потому скажу: оговаривая право на свободу действий, музей просит и постоянного контроля со стороны ведущих специалистов — архитекторов, реставраторов, искусствоведов, этнографов, историков. Надеюсь, понятно, почему не нашлось в этом перечислении места чиновникам — ошибки учат.

Пока очерк готовился к печати, коллегией Министерства культуры РСФСР было принято решение: А. В. Попов возглавит работы по реставрации Преображенской церкви.

Окончание.
Начало на 2-й стр.

ЦЕНЫ, ЦЕНЫ...

стабилизировался рубль, реформа способствовала новой экономической политике. Вторая состоялась в 1947-м — в обращение были выпущены новые, полноценные деньги, которые заменили обесцененные старые, — восстановилась рубль, и повысились реальные доходы населения. Третья реформа проводилась в 1961 году... Все эти реформы разные.

— Вы упомянули 47-й год. Он примечателен не только денежной реформой. Известно, что с 1947 по 1955 год в нашей стране розничные цены снижались ежегодно. Эту политику цен люди зачастую связывают с именем Сталина.

— На этот послевоенный период в основном ссылаются люди старшего поколения: мол, как тогда о людях заботилось правительство и каково положение с ценами сейчас. Однако политику понижения розничных цен с 1947 по 1955 год ни в какой мере нельзя отрывать от той особой экономической обстановки, которая сложилась в послевоенное время, когда отечественная промышленность переключилась на мирную продукцию. Это значит, что в нашей стране стали в значительных объемах накапливаться товарные запасы.

И не надо забывать: снижение цен началось после денежной реформы, после того, как розничные государственные цены — по сравнению с 1940 годом — были повышены в три раза. Но и снижение цен не довело их до уровня предвоенного года. А ежегодные внутренние займы, которые вплоть до 1958 года проводились по подписке? Ведь у трудящихся, военнослужащих изымались огромные суммы. И по сей день гасятся займы. Кроме того, снижались цен и одновременно создавались такие экономические условия, в которых не стимулировался рост производительности труда, ограничивалась заработная плата... Административно-бюрократические явления, что так пышно процветали при Сталине, до сих пор сказываются на нашей экономике, сказываются и на уровне благосостояния людей, и на ценообразовании.

— Заканчивая нашу беседу, затронув вопрос о гласности. Цены у нас станут гибкими, стало быть, довольно-таки часто будут меняться в ту или иную сторону. Раньше об этом можно было узнать только в магазине, при покупке товара. Видимо, теперь будет иначе...

— Да, конечно. Есть специальное решение, которое обязывает Госкомстат регулярно сообщать об индексах цен, уровне заработной платы и индексах уровня жизни.

— Индексы мало о чем говорят. Желательно иметь и такую информацию, из которой было бы ясно: как изменяется цена на конкретный товар, причины повышения или понижения цены... Эту информацию можно было бы публиковать в газетах.

— Я бы поддержал такое предложение. Цены-то не утайшь, какой смысл делать из этого проблему? Люди должны иметь реальное и полное представление о всех товарно-денежных обращениях. Цена — это результат живого труда, зеркало нашего отношения к делу. И тут бы гласность дала положительные результаты. Уверен, люди бы чаще задумывались о том, как они работают, как они живут...

Жара приходила часов в десять утра вместе с безветрием. Воздух в долине застывал, накалялся, насыщался пылью и выхлопными газами. Каждый день с рассвета сотни машин рокотали на площадке напротив госпиталя. Медленно вытягивались на шоссе и уходили к советской границе, или наоборот — сползали с асфальтовой ленты на площадку, чтобы здесь под прикрытием мотострелкового подразделения дожидаться разрешения на проход через тоннель Саланга.

Госпитальный модуль, собранный из деревянных панелей, к этому времени уже прогрелся так, что казалось, вот-вот начнет тлеть.

До назначения в этот гарнизон начальник госпиталя служил в местах, где зима длится едва ли не круглый год. Напуганный непривычной жарой и сухостью, он больше всего боялся возгорания. По его приказу, кроме штатных средств пожаротушения, в коридорах и палатах госпиталя было размещено невероятное количество огнетушителей, которые внушали ему уверенность, что подавить начавшийся пожар будет делом нескольких секунд.

Борьба с курильщиками в помещениях велась беспощадная. Им разрешалось вдыхать никотин только во дворе, в беседке, сколоченной из реек бомботары, крышей которой служил вытяжной купол грузового парашюта.

Старший лейтенант Демченко, взглянув на часы, отложил журнал, накинул на плечи куртку больничной пижамы блекло-голубого сиротского цвета, бережно снял ногу в гипсе, которая покоилась на самодельном приспособлении из двух стульев и трех подушек, подтянул костыль и поднялся. Курить не хотелось, но по времени выходило, что ему пора в беседку. Дверь за собой в палату он аккуратно прикрыл — прохладу, созданную неустанными трудами двух кондиционеров, следовало беречь.

По коридору он прыгал не спеша — день впереди длинный. Убивать время еще не научился — всего неделя прошла с тех пор, как душманский фугас, рванувший под третьим катком его БМП, круто поменял ему личный распорядок дня, который делился теперь на томительно длинные отрезки между перевязками, процедурами, уколами.

Было еще одно важное обстоятельство для того, чтобы не очень торопиться... Ну, вот. Все правильно. Вот и она. Самое время ей быть в перевязочной. Задержалась, а теперь чуть ли не бежит. Старший лейтенант прислонился к стене и, стоя на здоровой ноге, сделал костылем «на кра-ул!». Леночка сдержанно улыбнулась:

— Нужно больше лежать, Гриша. Бросай курить, в самом деле! Десять раз за день встречаю на пути в беседку.

Ну что ж. Это только доказывает, что не зря он с часами в руках три дня изучал маршруты передвижения старшей сестры хирургического отделения, словно смену караулов у штаба противника.

Григорий проводил ее взглядом, вздохнул: напрасно все это! Никогда ему уже не танцевать вот с такими хрупкими большеглазыми девушками! Врачи ясно сказали: колено потеряет подвижность, если не произойдет чуда... Чудес не бывает.

Он резко поставил костыль, оттолкнулся от стены... Но нога предательски скользнула, и старший лейтенант очень чувствительно уселся прямо на штырь огнетушителя.

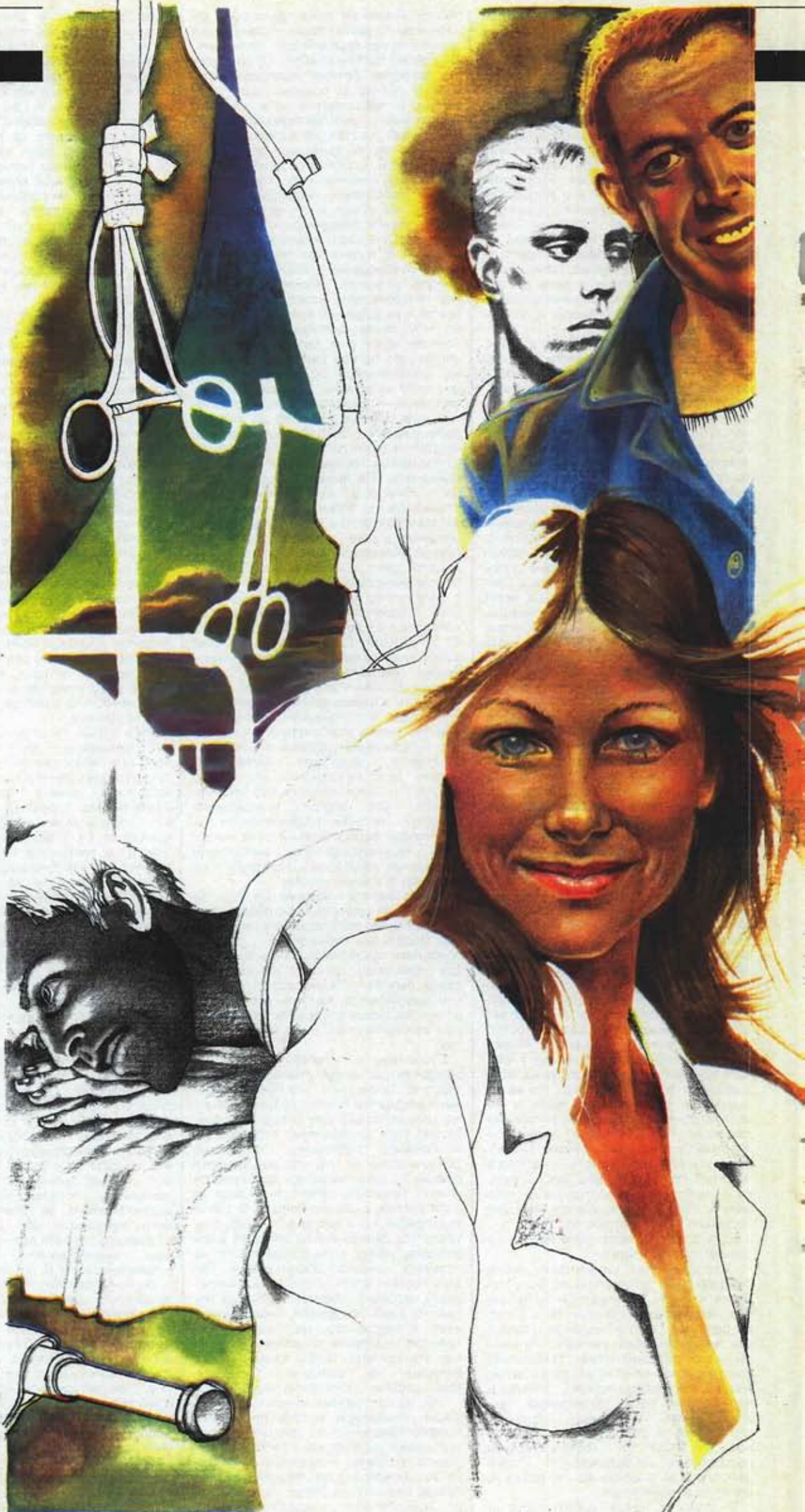
— Понатыркали тут вас, пройти невозможно, — поднимаясь, пробурчал Григорий.

В ответ в железном баллоне что-то утробно заурчало.

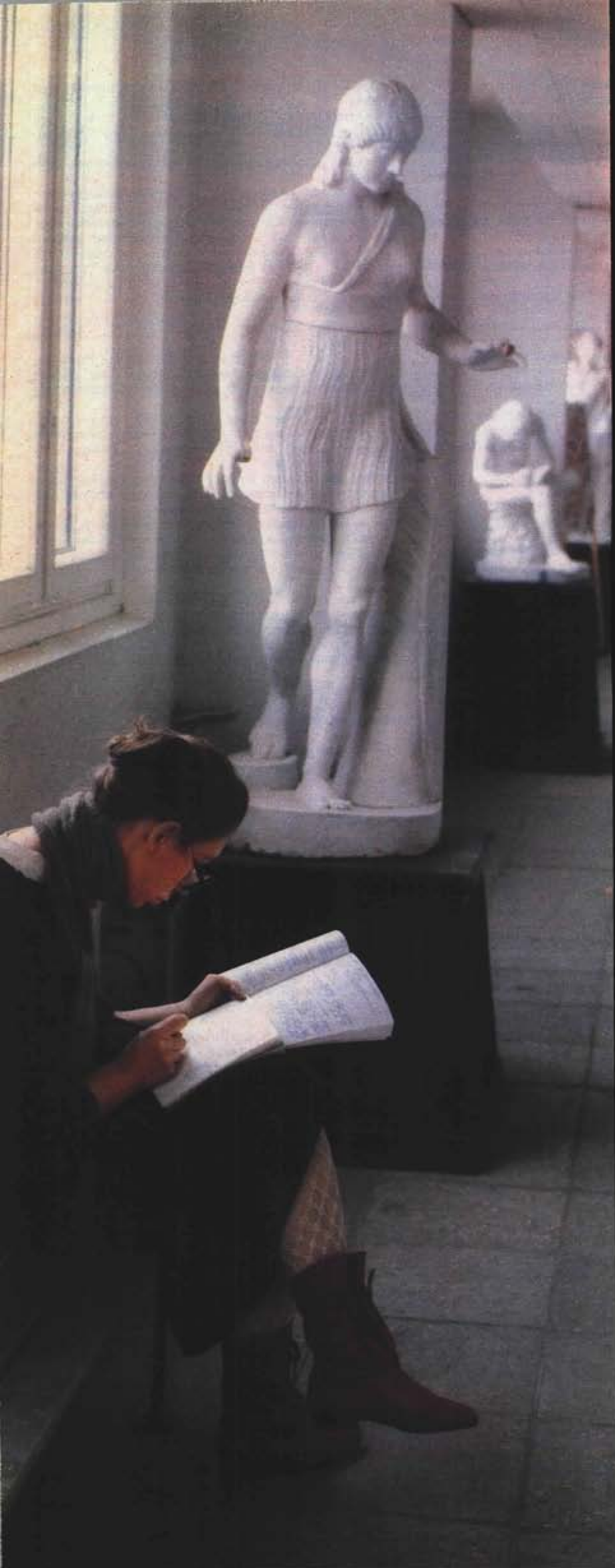
— Елки-палки! Капсулу раздавил!

Чертыхаясь, он схватил огнетушитель и запрыгал на костыле в сторону туалета — куда еще слить эту проклятую штуку, которая уже начала плеваться пеной?..

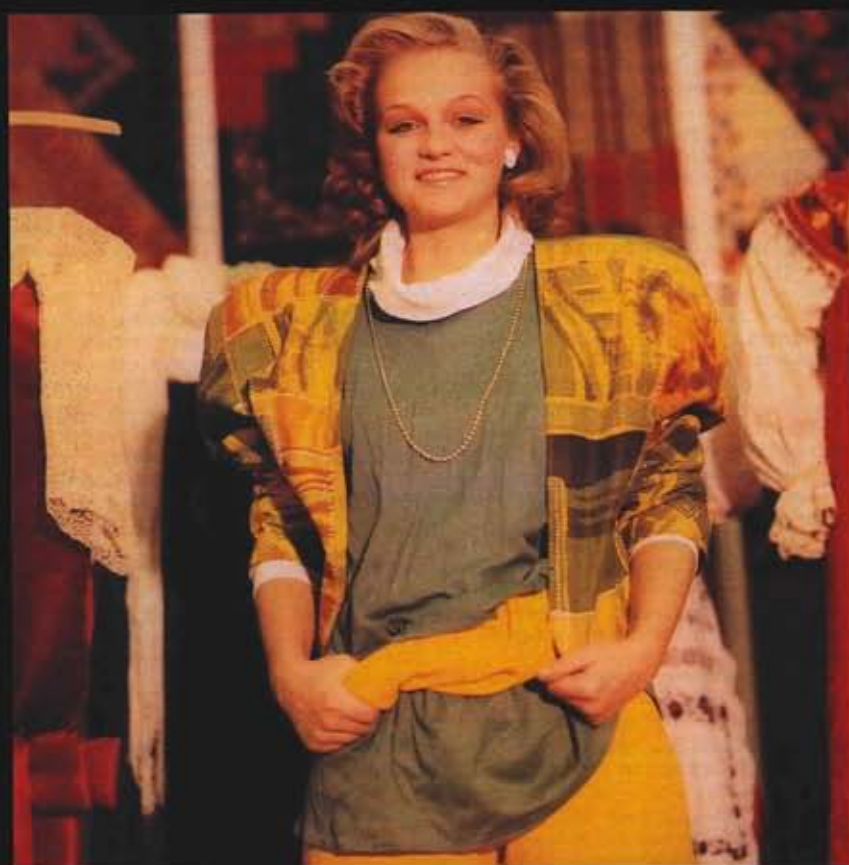
Начальник госпиталя подполковник медицинской службы Слепков вошел в модуль хирургического отделения как раз в ту минуту, когда старший лейтенант добрался до конца коридора. Подполковник действо-

РЕЙС

МОЖ

Александр КОБЕЦ

EM!

■ Оригинальность конструкции, новизну и разнообразие деталей (некоторым из них еще и названия-то не придуманы) высоко оценило бы и самое строгое жюри. И хотя образцы одежды были выполнены из темной макетной ткани, это несколько не мешало воспринимать их как нечто неординарное, высокохудожественное.

— Это пока черновые заготовки, — пояснила Елена Александровна Рыбкина, доцент кафедры моделирования костюма Московского текстильного института имени Косыгина, в одной из швейных мастерских которого мы находились. — В цвете,

с отделками они станут значительно изящнее.

Я никогда бы не поверил в то, что подобные модели способны создавать студенты, если бы не убедился в этом сам, побывав на факультете прикладного искусства. Разработаны костюмы в СИМе — студенческом институте моды, созданном по инициативе самих ребят. За несколько лет своего существования СИМ превратился в настоящую творческую лабораторию, в которой будущие художники-модельеры, орнаменталисты, специалисты по набивным тканям на деле применяют знания, получаемые в аудитории. В СИМе есть

инициативная группа, генераторы идеи, есть и группа исполнителей. Как и своя администрация — директор, главный художник, главный конструктор. Вместе они выбирают тему будущей коллекции, вместе рисуют эскизы, отбирают из них лучшие.

В год СИМ выдает по одной коллекции. Темой для первой послужила «Мистерия-Буфф» Маяковского. Решали ее в раскованной черно-бело-красной графике. В следующей коллекции были представлены образцы молодежной одежды завтрашнего дня. Но наиболее кропотливой работы потребовала от ребят их

последняя идея — коллекция под девизом «Вокруг света». Таких моделей пока не могут предложить нашему потребителю ни промышленность, ни кооператоры, ни организации, поставляющие импорт.

Уникальность этих да и многих других образцов одежды, разработанных и «отшитых», как выражаются текстильщики, в СИМе, бесспорна. Работают ребята в основном с бязью, макетным полотном. Расписывают его сами. Затем, не стесняемые какими-либо запретами, ограничениями, моделируют, конструируют, шьют. Результаты, как правило, высокие. Студенческие модели постоянно представлены на выставках научно-технического творчества молодежи, экспонируемых на ВДНХ СССР. Только осенью минувшего года студентам-текстильщикам было вручено семь медалей главной выставки страны. В 86—87-м годах изделия СИМа вместе с продукцией других вузов страны побывали на международных ярмарках в Пловдиве и Брно.

Все более активный интерес проявляют к СИМу и столичные предприятия. Объединение «Красный текстильщик» предоставило ребятам свои ткани для изготовления рекламных моделей на оптовую ярмарку. «РострикоТажпром» попросил разработать комплекты из своего полотна. Спорткомитет СССР заказал форму для членов сборной страны — участников предстоящей Универсиады.

Видимо, таких заказов станет больше, когда в текстильном будет орга-

низован экспериментально-дизайнерский институт проектирования моды, куда войдет и СИМ. В состав нового, более крупного объединения войдут самые различные подразделения — цехи манекенщиков, технологический, научный, изготовления обуви, трикотажных изделий, отделы прогнозирования, изучения конъюнктуры и спроса, связи с промышленными предприятиями. Последний как раз и будет обеспечивать студентов текстильного серьезными заказами. Сталкиваясь с проблемными заданиями, которые надо выполнить в жесткие сроки, ребята уже сегодня учатся работать в производственном ритме, ведь многие свою будущую работу представляют смутно. Но кое-кто о ней уже имеет понятие. Например, Юлия Далакян, Александра Шлеева. Без иллюзий смотрит на положение дел в промышленности Юрий Мингалев:

— Я занимаюсь разработкой стилистических особенностей мужской одежды. В нашей стране ей внимания почти не уделяется. А ведь моделировать такую одежду сложно: она должна быть и истинно мужественной, и красивой. Как добиться этого сочетания? Если иметь в виду условия, предоставляемые художнику промышленностью, то у меня ответа нет. На предприятии художник попадает в полнейшую зависимость от администрации. Через год-другой творческие порывы его не простираются дальше желания обеспечить свою семью...

Своими первыми безрадостными впечатлениями от знакомства с промышленным предприятием поделилась и Юлия Далакян:

— На одной из производственных практик я предложила модель, увидев эскиз которой главный художник сказал, что выпускай она такую продукцию, о них знали бы и за рубежом. Но главбух заявил, что такую дорогую одежду у них никто не купит, и модель «завернули». Существующая система расценок не позволяет художнику предлагать по-настоящему красивые вещи.

Может быть, ребята сгущают краски? Но мнение Марины Харман, недавней выпускницы текстильного, ныне художника-модельера МПШО «Чайка», также не отличается особым оптимизмом:

— Молодой художник, попадая в условия производства, имеет довольно приблизительное представление о сути промышленного моделирования. Он редко может соотнести свои творческие способности с потребностями среднего покупателя (последние значительно ниже). Тут важно найти верный путь, на котором можно сохранить свое художественное «я», не входя в противоречие с запросами промышленного моделирования. Производство для художника — самый трудный и неблагоприятный участок работы. Основные сложности, с которыми здесь приходится сталкиваться, — это ориентация на так называемый массовый спрос и технологические, а также экономические ограничения, которые порой заставляют изменять модель до неузнаваемости, а то и вовсе от нее отказываться. Винить предприятия в этом нельзя. Они поставлены в такие условия, когда затратить на производство надо как можно меньше, а прибыль получить максимальную. К тому же их душат различные ГОСТы и ОСТы. И начинать перемены, которых мы все ждали, надо с отмены многих из них.

Отступать перед трудностями Марина не собирается. У нее много свежих идей, планов. С надеждой смотрит в завтрашний день и нынешний главный конструктор СИМа Лариса Зайцева, Юрий Мингалев и другие студенты-текстильщики. Оправдан ли их оптимизм, покажет ближайшее будущее. Ведь то, какой будет нашей одежде завтра, во многом зависит от них.

Владимир
ЧИВИЛИХИН

Е

го ждали на рождественские каникулы, и она, ей казалось, больше всех ждала, томясь смутными предчувствиями, невведением и надеждами на что-то необыкновенное. Накануне Рождества целый день прислушивалась к шорохам и звукам наверху — там, как всегда, топтали быстрые детские ножонки, кто-то из старших временами истязал рояль, слышались неясные голоса, и нельзя было понять, приехал он или нет.

Ночь прошла и день такой же, как вчерашний. Она не выходила на улицу, с нетерпением ожидая, когда соседи ее пригласят; ни вязание не шло, ни вышивание, и карандаша пальцы не держали, а играть она не решалась, чтобы не пропустить условного сигнала сверху. И когда ранние зимние сумерки замутнили окна, послышались звуки «Очарование сирен». Ноты его она вывезла из Штутгарта, подарила подруге, и та всегда приглашала ее знакомыми аккордами. В волнении она схватила шкатулку, тальму, с замирающим сердцем поднялась, не заметив ступенек, по лестнице, позвонила. Подруга встретила ее смеющимися глазами и доброжелательной улыбкой, проводила к зеркалу. Гостиная была пуста, но в зеркале она увидела, что в столовой, как раз напротив двери, сидит какой-то сутулый желтоволосый юноша в пенсне. Серебряная цепочка свисала над его острыми коленями. «Так вот он какой!» — разочарованно подумала она, вдруг успокоившись, шагнула к роялю и углубилась в новые ноты. Это был Мантайфель недавнего петербургского издания — знакомые вещи и неизвестные, интересные, должно быть, странные, мелодичные и нетрудные в исполнении...

Обернулась. Перед нею стоял, величаво и чуть смущенно улыбаясь, молодой человек необыкновенно приятной наружности. Стройный и красивый. Она увидела синие глаза, внимательные и живые, слегка выходящие темно-русые волосы, изящные руки, тонкие запястья в белоснежных манжетах. Он был совсем не таким, каким виделся глазу, а намного лучше, ярче, только свободная и благородная осанка соответствовала ее идеальным представлениям о том, кого она надеялась когда-нибудь в жизни встретить. Она несколько потерялась под его быстрым взглядом и сразу не нашлась, что сказать и куда положить руки, пока он не освободил от них ее и не заговорил, представляя своего приятеля. Шутливо расхвалил его ум, скромность, трудолюбие и феноменальные способности к древнегреческому, на котором он еще в гимназии притупил глаза, что еще больше, однако, сосредоточило его на любимом занятии, далеко от вульгарной прозы жизни и возносящим к великим и чистым истокам древних.

Она с удовольствием, полуулыбаясь, слушала. Голос его был свеж, крепок, а слова строились в сложные правильные фразы, так говорить она не умела и даже не знала, что можно столь музыкально строить обыденную разговорную речь.

Вслед за этой встречей незаметно утекли куда-то две недели, и она потом

долго восстанавливала подробности, забываясь в воспоминаниях, как в снах. Ей хотелось думать, что он тогда все время искал ее общества. Вот появляется в дверях с книгой и, пытаясь замаскировать фамильярностью легкое смущение, спрашивает:

— Собственно, чем вы тут занимаетесь?

— Прежде следовало бы поздороваться, — говорит сестра. — Все воспитанные люди так делают.

— Извините. — Он краснеет, как школьник, неловко пытается оправдаться: — Это я для экономии времени... Добрый вечер!

И ждет, чтоб услышать голос гостя. Она поднимает глаза, шепчет приветствие и чувствует, что вот сейчас, когда он смотрит таким нетерпеливым и нежным взглядом, у нее, как вчера, начнут путаться петли.

— Так чем же вы заняты?

— Вяжем, — произносит она, потому что подруга молчит.

— Слишком расточительная трата времени! У вас заняты одни руки, я бы даже сказал, только пальцы, а мозг, простите, спит...

Он усаживается в кресло напротив, раскрывает книгу.

— Альфонс Додэ. «Маленький человек». Роман. Я буду читать вслух, а вы вяжите себе.

Читал он хорошо. Разыгрывал голосом разговоры, оживлял интонациями страницы. Самозабвенно жестикулировал, ровно был один в комнате, и все у него получалось так естественно, увлеченно и безукоризненно в меру, будто он сам пережил события романа и написал о них своею рукой. А она как-то незаметно для себя уходила в роман, сбивалась и путалась в счете петель, пока совсем не откладывала вязанья. Затаившись, только слушала, а он временами взглядывал на подруг и тоже словно не видел ничего.

Появлялась мать, неслышно усаживалась у двери, собирались дети, замислились вокруг, и даже младший его брат, непоседливый и шумливый гимназист, появляясь позже всех, тарачил удивленные глаза, тихо фыркая и беззвучно исчезал за дверью гостиной.

Потом, когда он уставал, она играла и, снисходя к общим просьбам, пела тоненьким голоском немецкие песни. Игру ее он слушал внимательно и понимающе, а вот пение как будто его совсем не трогало, и она перестала поддаться на любые уговоры, предлагая лучше петь всем малороссийские песни, чарующие мелодии которых она до приезда в Одессу не слышала.

К сожалению, он совсем не умел петь. Раскрывал рот, плавно дирижировал, но сколько она ни прислушивалась, никак не могла разобрать его голоса в общем хоре. Однажды, взглянув на него, не выдержала и рассмеялась. Он же хитро, совсем по-мальчишески, подмигнул ей, однако смутился, перестал махать рукой, но больше почему-то не посмотрел на нее ни разу, а она почувствовала себя виноватой и несчастной.

Провожая, как всегда, по лестнице, сказал:

— У вас прекрасный слух — вы даже расслышали, как я пою.

Сейчас Владимиру Чивилихину исполнилось бы шестьдесят... Завершив работу над романом-эссе «Память», удостоенным Государственной премии СССР, писатель собирался вернуться к своему давнему замыслу.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — кротко попросила она. — Извините меня, ради бога. Я иногда глупости делаю, не понимая, что это глупости. И мне сегодня так трудно стало у вас...

— Нет, вы правы, — рассмеялся он, передавая ей шкатулку и тальму. — Я ведь действительно пою, как рыба. Даже несколько хуже...

За день до его отъезда в Петербург они гуляли по бульвару, случайно и впервые оказавшись одни. Вышли большой, приятной и веселой компанией, но сестра ее с мужем быстро вернулась кормить малышку, а его сестренка встретила подругу, такую же хохотушку, как она сама, и заболталась, издали махнув им рукой, чтоб шли без нее.

На тротуаре Михайловской улицы был гололед. Она скользила в своих немецких фетровых ботинках, чуть было не упала. Однажды он робко и стандартно-галантно попытался поддержать ее под руку, только она смятенно отстранилась, панически боясь любого прикосновения к себе, и он понял ее, отстранился.

— Смотрите, это же совершенная сказка! — услышала она его восторженный голос, когда они вышли на бульвар, залитый утренним солнцем.

Он замолчал, не мешая ей. Воистину чудо! Посреди бульвара тянулся до самого собора сквер. Осенью она часто гуляла здесь с подругой, наблюдая, как желтели, жухли и падали разлапистые листья каштанов, как сквер постепенно осветлялся, становился прозрачным, а стволы с голыми ветками все чернели да чернели под дождем, пока не сделались по первому снегу совсем аспидными, словно кто-то свободно и смело настриховал их углем на белом незагрунтованном холсте.

Сейчас каштаны были неузнаваемыми. Вчерашним днем совершенно потеплело, к вечеру (...) ветры пригнали с моря дождевые тучи, они изливались на город всю ночь, только к утру их остудило холодным дыханием российских равнин. Дождь схватывало на лету, замораживало, и дом проснулся от грохота — под тяжестью льда рухнула водосточная труба.

А городские каштаны облачились в прозрачное одеяние. Там, где кроны затенялись домами, тусклые остекленные ветки сухо постукивали под легким ветерком, а на солнце звенела капель. Ослепляли острые лучики, разноцветные искры, приходилось закрывать глаза, чтоб лучше рассмотреть эту, как он выразился, совершенную сказку, и от сверкания, свежести, от его присутствия и его благоговейного молчания стало так легко на душе, как никогда не было, и подумалось, что она не жила еще и совсем не знает того светлого просторного мира, куда они, быть может, войдут вдвоем.

Когда они вышли к собору, в темной дверной зев которого вливались толпы прихожан, он сказал:

— Может, в церковь не пойдём?

— Почему?

— Избегаю... Только об этом не стоит сейчас говорить.

— Как пожелаете... Тогда назад, на бульвар?

— Там чудесно!

лу — роману «Дорога», первые главы которого были написаны еще в начале 70-х годов. Но сестра за прерванную рукопись ему уже не пришлось.

В публикуемом отрывке из незаконченного романа описывается знаком-

ство главного героя — известного русского писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского со своей будущей женой Надеждой Валериевной Чарыковой. Действие происходит в 1877 году.

— Мне там сделалось так странно хорошо, — произнесла она.

— Понимаю. — Он внимательно взглянул на нее. — Чаще бывает другое...

— Показалось, что и я могу стать счастливой, хотя всегда была уверена в обратном и считала это, простите за навязчивую откровенность, главной печатью своей жизни...

— Мысль невозможности счастья? — удивился он. — Нет, я ей никогда не поддавался! И давно пришел к заключению, что счастье только для себя — это так мало, что, скорее, несчастье. А путь к большому счастью идет через большие трудности. Когда предельно расходуешь силы!

— И вы... уже испытали себя в таких трудах или...?

— Было.
— Расскажите, прошу вас, — горячо попросила она. — Я так мало знаю обо всем...

Эту черную работу он выбрал по своей воле. Иные товарищи его устроились на летнюю практику по конторам, станционным службам, в слесарные мастерские, при техниках, инженерах и мастерах, а он решил на паровоз, кочегаром.

Престарелый, грязный, весь в потехах масла и ржави, паровоз сипел на маневровых путях. Он был окутан клубами пара, рвущегося из худых трубок и неплотных соединений, через окаменевшую набивку сальников и вконец изношенные золотники. На своем веку он немало потаскал по линии грузов и доживал последние годы в трудах же — формировал составы, толкал вагоны на выгрузку и погрузку, возил балласт, шпалы и рельсы для ремонта станции. С места трогался по-стариковски, трудно и натужно, скрипел, немощно пыхтел, а на ходу бил истертыми подшипниками, гремел разболтанными дышлами и сверх шаблона прокатанными колесными банджами, испуганно вздрагивал и тряса на рельсовых стыках, шипел, свистел на все лады, и даже гудок его был старчески слабым, надтреснутым и хриплым.

Работа на паровозе была неизменно грязной. Уголь и брикеты находились в тендере, куда то и дело приходилось проникать через узкий кочегарный лаз и подшвыривать топливо к лотку. Лопата поднимала густые столбы черной пыли, края угольной ямы осыпались, ползли под ноги рыхлые скаты, а во время движения паровоза так вихрило, что дышать было совсем нельзя — приходилось карабкаться наверх, к воздушной струе, которая несла от котла нестерпимо горячий дух сгоревшего масла, сырой пар, горький чад и колючую изгарь из трубы, терпкие запахи. Глотнув такого воздуха, он снова сползал в яму. Угольная пыль так забивалась в волосы, что они скрипели и дымили, если их потрогать, проникала под одежду, смешивалась с потом и вызвала нестерпимый зуд, проникала под ногти, въедалась в поры, веки. Но черная эта пыль от Ньюкастля далеко не вся паровозная грязь. К рукам и одежде липнет густая жирная масса, которой несколько раз в смену приходилось смазывать подшипники тяг, ку-

лисы и дышла... А во время чистки поддувала летит и сыплется жгучая зола с пеплом, прилипают, и если попытаешься оттереть потом ветостью лицо или руки, то размажешь только, еще сильнее вотрешь в кожу всю эту благодать, и он как следует отмылся лишь через полгода, уже в Петербурге...

Она взглянула на чистое, подурмяненное свежим ветром лицо рассказчика.

— И есть люди, что работают всю жизнь в такой грязи?

— Да. С юности и до смерти... Однако грязь — пустышка.

— Что же еще?
— Работа. Ведь за одну смену приходится перекидывать к лотку триста пудов угля и (...) брикетов.

— Сколько?!

— Всего шестьсот пудов, потому что из лотка топливо перебрасывается в огневую коробку. Но это не все. После смены — а она длилась сутки, до восьми утра — мы еще запасаемся углем, дровами, водой, смазкой, пригасивали котел, мыли керосином его обшивку, чистили колеса и дышла. Только уж после полудня — мыться и обедать. Потом на квартиру, где засыпаешь мертвым сном до трех часов ночи, потому что я прибежал к паровозу в четыре утра, чтобы к восьми нагнать в котле рабочее давление пара. Начинаешь с дров, потом подсыпашешь поленцами брикеты, на хорошее пламя трусишь уголь и сифонишь, то есть даешь тягу, пока вся топка не возьмется белым жаром... А уголь этот снова подгребаешь и бросаешь к лотку и раскидываешь по топке двадцать четыре часа подряд. Лопата становится тяжелой, будто она вся из железа... Руки кричат, на ладонях и пальцах водяные мозоли с красными каемками.

Она взглянула на его руки, хрупкое изящество которых не могли скрыть даже шерстяные перчатки, связанные к его приезду сестрой. Как они выдержали такую каторжную работу и не огрубели? А оно, захваченный воспоминаниями, словно видя перед собою что-то и не глядя на нее, продолжал азартно рассказывать о том, чего никогда не встретилося ей ни в одной книге, немецкой, французской или русской, о чем она совсем не предполагала узнать от него сейчас.

— А надо еще качать воду, тормозить и оттормаживать паровоз, чистить поддувало. Это самое тяжелое, что я пока в жизни узнал, — чистить поддувало и подрезать нижний слой горящего угля. Длинная — сажени полторы — железная кочерга перевешивает дальним концом, а ты лежишь с нею под горячим поддувалом и пытаешься вставить загнутый ее конец в колосниковую щель. Вставишь с грехом пополам, дергаешь изо всех сил, чтобы взрезать намертво спекшийся шлак. Пот щиплет лицо и заливаает глаза, руки немеют, потому что держишь их вверху, серая теплая зола сушит и совсем перехватывает горло... Я не раз бросал резак, полутрупом лежал под паровозом и совершенно мне становилось безразлично, умру я сейчас от остановки сердца, дыхания или меня раздавит раскрытый клапан зольника, если паровоз тронется. Машинист гру-

бо орал сверху, из окошка будки, это меня почему-то приводило в чувство, придавало сил, и я снова брался за резак...

— Злой был человек?

— Машинист? Золотой был человек! — На разгоряченном его лице появилось непередаваемое выражение исключительного почтения и приязни, связанное, очевидно, с какими-то неизвестными ей и дорогими для него воспоминаниями. — Григорий Иванович Григорьев... Он мне жизнь спас.

— Что вы говорите! Как это случилось?

Он тогда быстро приспособился впрыгивать с резакон на лесенку будки, когда паровоз уже трогался, соскакивать на ходу, даже при максимальной скорости тридцать верст в час, если срочно требовалось что-нибудь объяснить неуловимому составителю, прохаживающему по вагонам где-то на соседних путях. И вот однажды, держась за поручень, оторвавшись от подножки и свесив одну ногу, он уже изловчился, однако не посмотрел вперед. Спрыгнул и угодил, к несчастью, на песчаный откос — накануне в этом месте сгрузили с платформы балласт для подсыпки полотна.

Песок быстро высох под жарким южным солнцем, сделался рыхлым и сыпучим. Охваченный ужасом, он почувствовал, что сползает под колеса идущего поезда и ничего не может поделать. Остановившимися и уже почти умирающими глазами он смотрел на вертящиеся колеса вагонов. Через несколько секунд его разрежет вон тем колесом, нет, очевидно, вот этим, что медленно и неотвратно накатывается на тот участок рельсы, куда уже сползли его ноги, почти парализованные неизбежным, и куда сползает он сам, весь.

Упал вниз, и уже не слышал, как впереди взвизгнули и заколотились о рельсы колеса паровоза, как залязгал буферными тарелками и перекатно захрохотал порожняк, не видел, как подпрыгнула за аршин до его тела, скрюченного в бессильной судороге, тяжелая железная смерть и остановилась.

Григорьев, конечно, не успел увидеть сползающего под колеса кочегара. Самое большее, что он мог заметить, — это мелькнувший внизу бугор песка, но рука его сама и мгновенно сделала единственное спасительное движение, впустив в цилиндры упругий пар на встречу поршням. И машинист не стал ничего объяснять — только досадливо махал рукой на бессвязные расспросы все еще трясающегося практиканта, отворачивал мертвенно-бледное лицо, которое под черными пятнами грязи казалось еще бледней.

Вялый и неповоротливый с виду, он в другой раз обнаружил совсем уж невероятную находчивость. И только благодаря этому я сейчас хожу без костыля. Мне должно было раздавить ногу, вот эту.

— Как же это случилось? — Она часто дышала, переживая услышанное, да и шел он все быстрее и быстрее по сырой, оттаявшей к полудню панели, не замечая, что спутница его, чтобы не отстать, время от времени делает семенишки пробегки, а белые ботинки ее намокли и загрязнились.

— Стоп! Дадим контрмарш, — засмеялся он, увидев наконец, что она совсем запыхалась и прерывисто дышит. — Постоим... А дело было так. Вы знаете, как соединены паровоз с тендером?
— Да откуда же?

Не обращая внимания, что на него смотрит праздная публика, он начертил на панели носком ботинка грубую схему тендерного фартука и сцепки.

— Тут паровоз, а это тендер. Они соединены как бы шарниром, чтобы легче вписываться в кривые. Ясно?

— Не вполне, но...

— И это шарнирное сцепление прикрывает выпуклая железная крышка, которая переめщается по полу паровозной будки.

И вот, шарнир на нашем стареньком локомотиве был так изношен и расхлябан, что на ходу между этой крышкой и полом будки образовывалась щель, куда свободно проваливалась нога. Но когда паровоз входил в кривую или переводился стрелкой на другой путь, сопротивление его колесам возрастало, он незаметно снижал скорость, тендер с вагонами по инерции набегал на него, и щель закрывалась. Нога моя оступилась в эту щель, когда мы ехали по прямой, но в тот же момент паровоз вошел в кривой участок перед стрелкой. Я охнул от боли и тихо сказал, что мне захватило ногу. Григорьев с быстрой молнии двинул руку регулятора, рванул машину вперед, чтоб щель разошлась. Я отделался испугом, подожмой сапога и садиной. А если б он оглянулся, то потерял бы это роковое мгновение, а я — ногу...

Начал он говорить обо всем этом живо, со страстью, а сейчас почему-то сник и рассеянно оглядывался по сторонам, на расфранченную публику, на заграничные шляпы с модными узкими тульями, на женские зретки, на блестящие пуговицы полковничьих мундиров. Ей показалось, что он хочет куда-то убежать.

— Может, уйдем отсюда? — спросила она.

— Пожалуй, — согласился он. — Вот в эту улочку можно, где не таклюдно.

В тени еще было скользко, и она поневоле прикоснулась к его руке, чтоб не упасть, а он осторожно прижал ее теплую vareжку к тому месту, где у него билось сердце.

— И те люди, как вы правильно догадались, несут эту каторгу всю жизнь, — заговорил он каким-то совсем другим, тусклым голосом. — Падают от усталости каждый день, тупеют, заболтают. Лет пятнадцать такой каторги, и сдают ноги от вечной тряски, слабеют глаза от резкой смены огня и тьмы, не разгибается спина от сквозняков. И гибнут они часто, не дожив своих сроков. Я только лето проработал и то чудом уцелел.

— Понимаю, — произнесла она.

— Нет, нет, был еще один страшный случай.

Однажды мы с Григорьевым, когда уже своим новым паровозом возили по линии поезда, проработали двое суток подряд — движение усилилось, и бригад не хватало. На третьи сутки мы одеревели от работы и напряжения, заснули в будке, проскочили обязательную остановку. Была глубокая ночь, и наш неуправляемый состав мчал три перегона. Дико гудели на разрезках встречные паровозы, станционники выбили кирпичами все стекла в будке, а мы спали, стоя у топки. На третьей станции какой-то отчаянный составитель чудом вскочил к нам на полном ходу и привел нас в чувство. Перед следующей станцией светофор был закрыт, горели в темноте красивые костры, и мы долго стояли, пока оттуда не ушли составы и не освободили путь. Герой-составитель спас нас и многих других людей от верной смерти, а станцию — от ужасного крушения, о котором, если б не он, долго бы писали все газеты России... А я даже фамилии его не узнал...

Она шла, глядя перед собой остановившимися глазами.

— Теперь я знаю масштаб труда, — закончил он. — Все остальные работы на свете по сравнению с ним — ничто. И людей узнал, ранее неизвестных мне. Григорьев... Несчастный в личной судьбе. Сирота, мученик с детства. Потом жена его, гулена, бросила, и он один воспитывал чужую девочку, ее дочь. И ведь к книге тянулся, Лермонтова страстно любил... Людей любил и труд. Там я пришел к некоторым выводам. Например? Самые большие люди на земле — это самые большие труженники.

Публикация Елены ЧИВИЛИХИНОЙ. 15

«НАДЕЖДА ПОС

Инара РОЯ

ЛИКОВАНИЕ ЖАВОРОНКА

1
О пылкость перелетных певчих птиц!
Снега сошли, ликуют солнца трубы.
И бури, зарождаюсь в сердце дуба,
седое время повергают ниц.
Спираль годов становится стрелой
и, прямо к свету устремляясь,
блещет.
И в шкалах солнца — зелень крон
трепещет,
и в гнездах — ноты нежности былой.
Последний снег — печаль в тени
ресниц...
О пылкость перелетных певчих птиц!

2
О ликование жаворонка в выси —
над прахом, над руинами, над всем,
что от людского гения зависит
и не зависит от него совсем!
Над проповедями всходов,
болью пней —
вовек им не дожидаться лучших
дней...
Асфальт чернеет, зеленеют травы,
болото —
углем станет и рудой...

Нет, не стервятнику, а жаворонку
слава!
О жаворонок вечно молодой!

3
О соловья безумные рулады!
Пусть снова гордость обретет душа,
которой светлая любовь — отрада!
Искателю туманы — не преграда.
Ждем алых парусов мы, не дыша.
О, мироздания рассветный берег
и винограда вспыхнувшая кровь!
Безумье соловья, который верит,
что вольно жить средь радуг
и цветов!

О соловей, с ума сходящий вновь!
4
Кукушке той, что с самого утра
провозглашает колоса рожденье
и обещает краткий миг добра
за верность долгую науке
песнопенья,
той, что велит: старанье
и терпенье! —
я отзываюсь с пылкостью любви,
с горячим ликованием каравая.
Седает даже дуб —
но желудь прославляю!
И преданность, без меры и без
края, —
тебе, кукушка! Только позови!

5
О журавлей дуэт,
о муза биоритмов, —
нет без тебя и жизни на Земле!
Умолкнешь ты — умрет огонь в золе,
и не спасут ручей ничьи молитвы,
погибнет муравейник,
и жарким
барашек станет,
заржавеют плуги...
О журавлей дуэт — по всей округе
пусть он звучит! Я следую за ним!
Леса воспрянут, просветлеют воды...
О вековая музыка Природы!

ВЕЧЕРОМ

Ты думаешь: тебя спасают стены.
Ты думаешь: свободен наконец!
И мудрость, словно золотой ларец,
откроется перед тобой степенно
в старинных книгах...
Зацветут мечты,
душа, как шмель,
в душистой чаще тонет...

Но что тебя незримо беспокоит?
Не то ль, что соты все-таки пусты?
Пусть и не станем мы громко
известны,
Обманно-краток сумрак голубой.
Ты строишь домик карточный
покою —
но вдруг сметешь его
своей рукою —
и дама пик хохочет над тобою!
Перевела с латышского
Светлана СОЛОЖЕНКИНА.

Евгения СЛАВОРОСОВА КРАСНАЯ КНИГА

Злоба стремится унижить искусство,
Зависть плетет за спиной интригу.
Но занесите все лучшие чувства
В Красную книгу!
Не предадим нашей гордой свободы,
Не отдадим нашей вечности — мигу.
О, запишите все лучшие годы
В Красную книгу!
Пусть и не станем мы громко
известны,
Не завоюем крылатую Нику.
Но занесите все лучшие песни
В Красную книгу!
Дайте уйти от охотника зверю,
Дайте сорваться прощальному
крику.

О, занесите не только потери
В Красную книгу!
Не разоряйте чащобы и пляжи,
Не истребляйте ни траву,
ни гвоздику...
Чтоб не попало грядущее наше
В Красную книгу!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Глаза открыла — все белым-бело,
Светло и чисто, и бело до боли.
Вчера был дождь, а нынче намело,
И страшно заблудиться
в белом поле.

Вчера был дождь, а нынче намело.
Вчера был спор,
затеванный напрасно,
Вчера был мрак, а нынче все бело.
Вчера прошло — и все бело, и ясно.

И белый свет сегодня вправду бел,
И нет конца, и нет еще начала.
И даже ты сегодня оробел,
И даже я сегодня замолчала.

И хорошо нам думать и молчать.
Зима весь мир сегодня изменила.
...Чтобы страницу чистую начать,
Разводит вечер синие чернила.

ЮГО-ЗАПАД

Юго-Запад. О жизни моей западной,
Юго-Запад, поймавшей тебя и меня.
Отыщи-ка попробуй тот номер,
тот дом,
В этой смеси воды грязноватой
со льдом.

Юго-Запад, порою сводящий с ума,
Словно айсбергов глыбы,
не тают дома.
В промежутке меж чахлах кустов,
и дворов

На асфальте начертана роза ветров.
Но не надо отчаянья. Слушай и верь:
Кто-то вышел из дома
в раскрытую дверь
И по темной дороге пошел не спеша,
Наугад, юго-западным ветром дыша.
О, не надо отчаянья, повремени.
Скоро окон зажгутся цветные огни.
И по ним, как по звездам,
ты сможешь найти
Все начала-концы и дороги-пути.

Валентина КОРОСТЕЛОВА

СОСЕДКЕ

Девчонка с подведенными
глазами,
С ухмылкой на потрепанном лице —
Ты навсегда простила с чудесами,
С сиянием незабвенным на кольце.

Решила ты, что жить легко и просто,
Когда на жизнь посмотришь без затей,
Из губ чужих хватая папиросу
И равнодушно глядя на детей.

Раба чужих вещей, чумного крика,
Ты катишься все дальше,
глубже — вниз,
Давно забыв, что есть на свете
книга
И есть на свете собственная мысль.

Очнись скорей, пока еще не поздно
И дремлют когти гиблой тишины!..
Пусть на лице взойдет светло и просто
Улыбка Жизни. Женщины. Страны!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ

Вырос город. Я тоже иная.
Но все та же небесная высь...
Мой племянник стихи сочиняет.
Годы мчат. Продолжается жизнь.

Может быть, он не будет поэтом,
Это только известно судьбе.
Но свети ему, синее небо,
Но играй ему, дождь, на трубе!

Чтоб волна одиночества злая
Не связала открытой души...
Мой племянник стихи сочиняет.
Годы мчат. Продолжается жизнь.

Ольга КАМЕНЕВА

Он пришел ко мне —
день вчерашний —
Шумным мальчиком
в джинсах потертых
И с глазами такими
счастливыми,

Будто небо, дождем омытые.
Он пришел, как приходят утром.
Не букет — а охапку сирени
Внес торжественно, словно
награду.
Мы смеялись вчерашним смехом,
Но вокруг уже было сегодня.

...И воздух от зимы остыл.
Мое неровное дыханье
В нем бьется, как воспоминанье,
О том, кто обо мне забыл.

А я о нем стихи пишу
И на морозе их читаю...
Но — как дыханье — не растаю,
И о тепле не попрошу.

Он тихий, словно мех,
И смотрит добрым зверем,
Когда стоит у двери
Чужих (моих) потерь.

Он очень любит снег.
А мне дорожке листья,
Как горький шорох истин!
...Да что о том теперь?

Ираида ПОТЕХИНА

Из Москвы... Издалека...
Интерес ко мне неистов —
ни поэтов, ни артистов
здесь не видели пока.
Все в деревне на виду:
как одета? С кем иду?
Не скрываясь, рот разиня,
смотрит местное «информ...»,
что беру я в магазине
для питья и на прокорм.
Любопытным — по окну.
«По кому — в любом доме»,
но про старое судачить
нет охоты никому.
Новостей новее нет:
в клубе вечером поэт...
Полный зал, гляжу, народу.
У меня рука легка —
сею вечно, где вроде
и не пахано пока...
Все ж вниманьем дорожу,
словом души бережу.
От деревни до деревни
с провожатыми хожу.

Все «авось», да «ладно»,
«кое-как», «сойдет»...
Как же неприглядно здесь
живет народ

Изы покосились. В ямах волока...
Или разучились строить на дыках?
Иль чужими стали земли на полях?
Попереводилась семга на трюны?
Здесьние товары кто не вывозил...
А теперь надежды все на магазин.
Враг не мог подлеще нанести удар —
водка — самый ходкий
в деревнях товар

Самовар — начальство, пошумел,
остыл...

В дереве могучем стало
меньше сил —
не рождаются новые ветки у корней,
нет дедам на смену стоящих парней.
Не цвести победам полю от жмыхов.
Беломорским девочкам
нету женихов.

ДОРОГА НА ПУРНЕМУ

Сереежка, не лихачь!
Летишь, как в лимузине...
Мой череп не калач,
не купишь в магазине.
И трактор твой не танк,
тяжелый, осторожный,
он — бешеный мустанг,
что скачет бездорожьем.
Вся в шишках голова,
как надолбы, так — наши...
Не мед и не халва —
все сорок верст по нашей.
Рубеж последний взят!
Знакомое подворье.
Ну, здравствуй, «Пурнинград» —
заворки Беломорья.

Я полюбила черныи цвет —
цвет вачной мудрости, не смерти,
из глаз твоих идущий свет,
и свет, струющийся с мольберта.
Твой цвет, и свет, и этот смех,
что из глубин души прорвался,
тот миг, в который ты при всех
моей щеки рукой касался...
Твой смех и голос, весь твой мир,
волос твоих летящий лепел,
звезду с названным Альбертом
чье постоянство ты отметил.

ЕЛИМАСЬ В МИРЕ»

Елена ТОЛМАЧЕВА

■
Когда-то шага не хватило мне,
чтоб стать с тобою вместе,
но знала я, что сделаю его,
и стала ждать.
Шаг стал длиною в ожиданье.

Я годы берегла лишь память о тебе —
шаг стал длиною в годы.

Моя надежда поселилась в мире —
шаг стал длиною в мир,
огромный мир людей,
в миллионы судеб и трагедий.

Однажды я познала одиночество —
шаг стал длиною в одиночество
и в бесконечную дорогу испытаний.

Я все еще иду к тебе,
мой шаг длиною в путь,
налегкий путь судьбы,
огромный путь, наполненный тобою,
мой шаг длиною в жизнь.

■
Ну кто теперь спасет нас от того,
что мы с тобою не встретились
однажды —
для двоих частицы совершенства?
Ну кто теперь спасет нас от того...
Для наших ускользающих тени
небес, несут планета во Вселенной.
Мы вместе мы не можем друг
без друга,
хоть и не встретились с тобою —
все равно.

И прирываются планета голосами,
как наемная оккупационными слезами.
Что мы с тобою не встретились
однажды —
ну кто теперь спасет нас от того.
Мы знаем чуждым горького

познания —
для двоих частицы совершенства,
два смеются, как пружина,
мироуходящая

кому теперь спасать нас, для кого?
Мы стали совершенны друг без друга,
и кажется, что больше нет надежды,
но страшно, коль с тобой не случится,
как мне узнать о тебе?

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ

■
Люблю твердить названия
народные,
Душе светлей становится от слов:
Дурман-трава, калужница болотная,
Гусиный лук, речной болиголов.
Иван-да-Марья — брачные соцветия,
Чистяк весенний, чина, череда;
Татарник —

красный памятник столетия,
Когда деревни грабила орда...
Пастушья сумка —

сколько этим сказано!
На листья-треугольнички смотрю
И вижу, как с котомкою завязанной
Пастух встречает первую зарю.

■
В раннем детстве моем
приходил на деревню старьевщик.
Ребятня, разузнав,
поднимала заранее крик.

И потом на дорогу
от дальнего поля, от рощи,
В поздних сумерках дня
выходил темнолицый старик.

Был он вкрадчив, лукав,
приговаривал что-то гортанно,
Озираясь вокруг,
на заборы поглядывал вскользь;

Он мешка не снимал,
но порой доставал из кармана
То конфетный кулек,
то свистулек замызганных горсть.

И пока ребяташки,
столпившись, свистели для пробы,
Он стоял,
отдыхая от долгого хода пешком.

И тогда мне казалось —
он ищет глазами: кого бы
Завести в темноту
и накрыть, изловчившись, мешком...
А теперь, вспоминая, дивлюсь:
как давно это было!

Так давно, а при мне —
значит, долго на свете живу;
Впрямь меняли тряпье
на свистульки и серое мыло
В той деревне, что нынче
едва ли не входит в Москву.

И когда времена
измениться так круто успели,
Оставляя нам память —
свою неразрывную связь...
А еще говорили,
что раньше здесь девушки пели —
За год, за два до срока,
когда я на свет родилась...

■
Б парадном свет вмонтирован
дневной.
Он обтекающ, призрачен и гладок.
Талантливый слепка голубизной
Обиты стены пестричных
площадок.

Он высоты добавил этажу
И углубил простор оконной ниши.
И я, когда по лестнице схожу,
Самя себе кажусь стройнее и выше...
Как часто я нас, от разума тайком
Сблизил мир правит ослепление,
Зависаю от того, в каком

Мы все вокруг увидим освещенье.
И в нашем сердце кто-нибудь порой
По воле нераскрытого секрета
Стождестален
с волнующей игрой
Пространство раздвигающего света...

■
Снялась окрест с Русью повидню —
И по пустыне дует, и по долам
Будь все тогда, где горе и кручина,
С родной земли делала пополам.

Когда пожар горел до ослепленья
И угоняли русичей в полон,
Вокруг взошло, наверно, поколение
Берез плакучих, с ветками в наклон...
Но чем они, казалось бы, покорней
Склонялись долу, пряча рост

и стать,
Тем крепче в землю впутывались
корни,
Чтоб средь ветров разбойных
устоять.

И так же, трепеща под тучей черной,
Сгоравшая едва ли не дотла,
Бывала Русь
подавленной и скорбной,
Но сломленной — вовеки не была.

■
Словно память о давнем былом,
Средь поляны, что топко замшела,
Над водой, как над черным стеклом,
Золотится цветок чистотела.

Напряженная, сладкая жуть
Ощущается всюду. Ни звука.
Вербы в воду шагнули по груди,
Да как ведьма, ветла сухорука.
И, взращен на болотных парах,
Чистотел неотъемлем отсюда,
Как от сказок, вселяющих страх,
Всякий раз неотъемлемо чудо.

■
Сколько слов нам слышится вокруг!
Привлекает и легонько дразнит
Их бесчисленность, их многообразие,
Их понятий ширящийся круг...

Все в слова пытаемся облечь.
И недаром мудростью былого
Нам звучит «Сначала было Слово» —
Наша связь, единство наше — речь.

Отраженье жизни предстает
В языковом множестве великом;
Ведь не зря торжественно —
языком! —
Называли в древности народ.

■
Раиса РОМАНОВА

■
Тонко ветер свистит за окном.
Что за страсть ему! Что за наука?!
Здесь бродили с тобою мы вдвоем.
Да навеял: подкралась разлука...
Горько-горько свистит он опять.
Листья холодом вечности блещут.

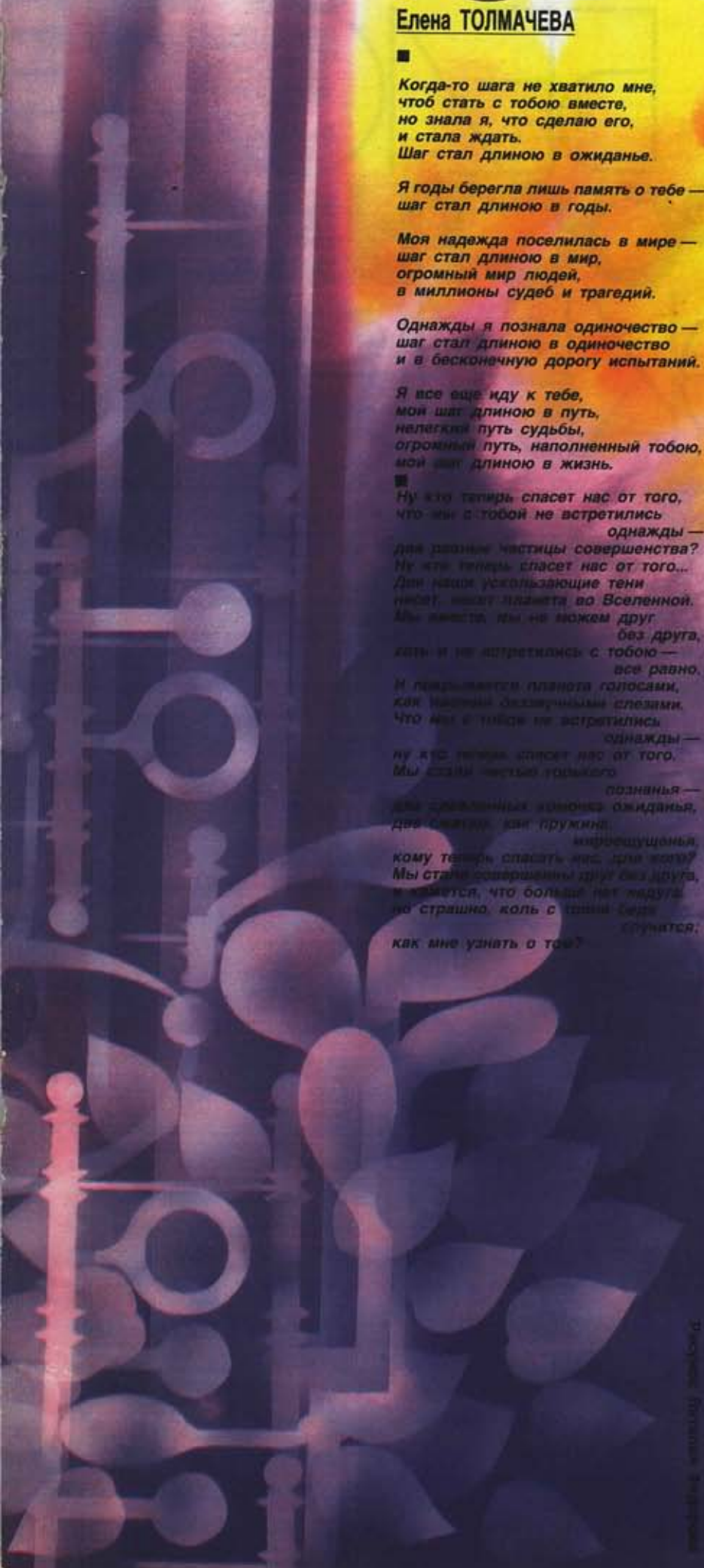
Мне тебя никогда не обнять.
Этот свист до кончины завещан.
Чтобы в шелесте ближних берез
Шепот ветреный твой узнавала,
Чтоб, уже не имеючи слез,
Так, без плача, в тоске изнывала.

Чтоб, когда задувает октябрь,
Видеть лишь, как, спирали свивая,
Отплывшие листья летят,
К одиночеству путь устилая.

■
Твои следы доселе не простыли.
Твоя печаль в душе моей болит.
Одна в Москве, бреду я,
как в пустыне:

Где тот ручей, что жажду утолит?
Столичного я не чуралась мира,
Жила покойно, ладно, не скользя,
Теперь ночами снятся мне такыры
И саксаулы ветками грозят.

А писем нет! Пески ль их поглотили
Иль суховеи замели давно?..
Мне нестерпимо в розовой квартире.
Вьюду смотреть края твои в кино!
Аму-Дарья там дико пронесется,
Огнем дохнут барханы на меня,
И дробным стуком в сердце отзовется
Галоп ахалтекинского коня...

ТИТРЫ

Писать было непросто. Еще труднее собирать материал... Представьте, что вы садитесь перед молодой дамой — ну и что, если актриса? — и, глядя на нее с серьезным прищуром, исподлобья (дабы скрыть собственный «зажим»), начинаете задавать ей вопросы типа: «А что вы чувствовали, когда разделись перед камерой? Вас не смущали глаза дюжины посторонних?» И так далее... Ни на секунду не покидало нервное ожидание, что после очередного «наглого» вопроса нас вышвырнут вон, обвинив в циничной бестактности. А чтоб не смущали девичью гордость! И не лезли в запретную тему...

Словом, только диктофонные пленки могут — и то лишь отчасти — воспроизвести напряженную атмосферу «доверительных интервью».

Монтируя впоследствии материал, мы единодушно решили пользоваться кинематографическим приемом стоп-кадра, чтобы иметь возможность крупным планом остановиться на отдельных, показавшихся нам важными проблемах, в общем-то не имеющих непосредственного отношения к «киноэротике», но иллюстрирующих аспекты морали, нашей душевной и духовной свободы, искусства быть собой, культуры нашего самоощущения, воспитания, умения отличать пошлость и безвкусицу от истинно прекрасного и высокохудожественного.

Надо сказать, что в «кадрах живых интервью» оказались только три актрисы, снимавшиеся в кинофильмах, где есть сцены, попадающие (правда, со скидкой на нашу терминологическую и смысловую неразбериху) в разряд эротических. Это Алла Плоткина, Светлана Копылова и Татьяна Друбич. Были встречи и с другими молодыми актрисами, которые могли бы поразмышлять насчет «стыдных» эпизодов из их кинобиографий. Но... Одна категорически отказалась отвечать на вопросы, сославшись на то, что «ненавидит эротику». Другая сказала, что об этом может говорить кто угодно, но только не актриса, являющаяся лишь «марионеткой в лапах режиссера». Еще одна, бледная и краснея, не смогла ответить толком ни на один вопрос по поводу ее же роли, и включение растерянного монолога в материал оказалось попросту бессмысленным.

А может быть, эта тема действительно не нуждается в легализации и обсуждении ее на «крыше» общественно интереса и сознания? Быть может, человек у нас действительно существует «только по поясу», как образно и саркастично заметила Татьяна Друбич, а все, что «ниже пояса», не обсуждается?

Или же, напротив, тема эта из разряда тех, о которых давно уже говорят? Шепотом, а иногда даже «поругиваются вслух». И, рано или поздно, мы столкнемся с ней «лицом к лицу» в результате наших шарханий в поисках истины и зигагообразных творческих исканий? И настанет день (или уже настал?), когда наш родной кинематограф заставит нас обсуждать иные свои открытия и «открытия», как это сделал однажды театр? (Например, спектакль Льва Додина «Звезды на утреннем небе», привезенный из Ленинграда в Москву, шокировал некоторую часть общественности и профессионалов нагой актрис в предлагаемых сценических обстоятельствах.)

Не получится ли так, что журналисты станут — с восторгом или с праведным негодованием — «открывать Америку»? Ведь так было уже и с рок-музыкой, и с наркоманией, и с проституцией.

Вопросы, вопросы, вопросы...

Евгений ДОДОЛЕВ,
Андрей КУЧЕРОВ

НА БЕЛОМ ПРОСТЫНЕ ЭКРАНА

Но, с другой стороны, разве может быть иначе, если люди, после долгой гонки «закусив удила» в темном длинном тоннеле, вдруг вырвались на простор, сами пока не до конца в это веря, и поняли, что теперь можно смотреть и спрашивать, спрашивать и смотреть...

Ну, ладно. Какой там кадр?

КАДР С МАССОВКОЙ

Этот эпизод американо-советского телемоста стал уже хрестоматийным. Сперва его, посмеиваясь, обсуждали в троллейбусах и курилках. Затем им стали иллюстрировать свои публикации журналисты. И, наконец, замкнув круг, воспоминание о сакраментальной сценке вернулось на экраны ТВ. В качестве назидательного образца «как не надо».

«Секса у нас нет», — с плакатной однозначностью наша соотечественница поставила на место заокеанских оппонентов и тем самым расставила все точки над двусмысленным «и».

На «нет», как говорится, и суда нет. Остается только ответить самим себе: а что это такое? Михаил Жванецкий ничуть не риторически интересовался: это что-то новенькое или мы все давно этим занимаемся? Секс — это когда ночуют днем? Или когда голые, голые и еще голее?

Здесь, оттолкнувшись от круглого и робкого прилагательного «голый», самое место порассуждать о том, какую роль в век бескомпромиссной НТР и вертикально возрастающего информационного потока играет кинематограф. А заодно вспомнить о современных японских библиотеках, где видеокассетами заменили старые добрые книги. И прикинуть пропорции воспитательно-образовательной индустрии: сколько приходится на телевидение, радио, кино, театры, сцены рок-концертов, школу и внеклассное чтение. Впрочем, с другой стороны, достаточно хрестоматийного примера — цитаты из школьного сочинения: «Наташа Ростова танцевала со Штирлицем на балу». Подобная контаминация сегодня по-прежнему забавляет, но — увы! — не удивляет.

Итак, есть «у нас секс» или нет? И — напрямую связанная с этим загадка —

нужна ли эротика (не грязное порно, а грамотный и красивый полужеротизм) отечественному кино?

В конце прошлого года на страницах журнала «Советский экран» на последний вопрос попытался ответить Владимир Дмитриев, критик, который, согласно аннотации, «публиковался почти везде»: «Искусство не может ограничиться теперь строгим покачиванием головой и невнятным рекомендациями. («Теперь» имеется в виду «после двух важнейших событий, заставивших по-новому взглянуть на проблему», — распространения видео и начала эпидемии СПИДа. — Е. Д., А. К.) Слова «удовольствия супружеской жизни» должны быть лишены иронического привкуса, им должен быть возвращен первоначальный смысл. Именно удовольствие. Именно супружеской жизни. Я голосую за право нашего зрителя видеть на экране красоту не только души, но и человеческого тела».

Мы тоже со вздохом облегчения голосуем за такое право зрителя.

Но!

Готов ли сам зритель воспользоваться этим правом?

Где права, там и обязанности. Чьи-то права и чьи-то обязанности. Чтобы удовлетворить эстетические запросы масс, художник обязан быть на высоте. Однако с ходу что-то не припомнить актрис и актеров, не говоря уж о режиссерах, вписывающихся в рамки сюжетного эротизма гладко, чтобы не торчали, что называется, уши. Горящие пунцом (неоправданного) стыда. Которым, как известно, выражается самосуждение. (По образному выражению классика философии, «стыд — это своего рода гнев, обращенный внутрь».)

О чем вообще речь, коль скоро безобидность эротических эпизодов критики вынуждены доказывать с трибуны специализированного издания. Да еще с оговорками и расшаркиванием. Ведь убеждать-то приходится не кинематографистов. И без того можно уверенно прогнозировать единодушно-торопливое появление в ближайшие годы эротически окрашенных лент.

И столь же смело можно предсказать бурную реакцию обделенного (это без всякого скепсиса, между прочим) доселе зрителя. Вернее, части зрителей. Чего греха таить, наверняка киностудии завалят сердитыми посланиями

возмущенные до предела домохозяйки, заслуженные классные руководительницы, пекущиеся о «моральном климате», строгие мужи, давно мечтающие о создании фундаментальной полиции нравов, и целомудренные ровесники кинематографа. Хором проскандируют «не на-а-да!». (Если вспомнить зрительскую почту на советско-финскую картину «За спичками», то выяснится, что Евгению Леонову здорово досталось от блюстителей нравственности за то, что он дерзнул показаться на широкоформатном экране в костюме Адама...)

Еще хорошо, если сей ханжеский порыв не поддержит сверху раздраженный окрик какого-нибудь киночиношу, знакомого со «всею этой гадостью» по закрытым просмотрам «сомнительных работ» Бергмана и Феллини.

В КАДРЕ — АЛЛА ПЛОТКИНА

— Ваше отношение к эротическим эпизодам в кино?

— Всячески приветствую, если эротика не самоцель, а язык рассказа, которым «ведется» тема. Но чтобы владеть таким способом рассказа, нужно очень свободно ощущать себя по отношению к этой теме и знать ее.

А если говорить о нашем кино и нашем зрителе, то свободы нет и быть ее не может. И неоткуда ей взяться. Я из поколения тех, кто более спокойно отнесется к этой теме, читала Фрейдера. А, например, мои родители — поколение другое; если они видят целующихся на экране людей, им неприятно. (Хотя мне тоже неприятно, когда я вижу, как целуются в наших фильмах.) Но как для наследников сталинской культуры резко что-то открыть? Высветлить то, что всю жизнь считалось постыдным? Это чревато пережестом.

Я просто убеждена, что сейчас начнут сниматься очень откровенные фильмы. Просто совсем откровенные... И это будет ерунда. Пошлость. А главное, это будет на допотопном уровне развития. Рано нам за это браться. Рано.

На Западе не так много актрис, которые называются секс-звездами или эрот-звездами. Мало и режиссеров, которые снимают эротические фильмы, потому что такие фильмы — это искусство.

— Что вы вкладываете в понятие «эрот-звезда»? Кто может претендовать на это звание? Благодаря каким качествам?

— Ну, например, Сильвия Кристель. Она... манкая женщина. Попробуюсь объяснить... Вот когда мужчина видит женщину и она желанна — это женская «сексопильность». Когда мужчина видит женщину и чувствует себя свободнее — и по отношению к себе, и по отношению к жизни, когда эта женщина дает ему волю и не в темную сторону, а какое-то светлое освобождение, тогда эта женщина — манкая. Такая может стать эрот-звездой. Таких мало. Западных эротических фильмов куча, а выделяют четыре, пять актерских имен. Эротика — это искусство. Секс — тайна двоих, а эротика — искусство...

— А лично вы готовы к тому, чтобы принимать участие в этом искусстве? Скажем так: завтра Бертолуччи предлагает вам роль в эротическом фильме, вы соглашаетесь, не раздумывая?

— Отнюдь. И даже если я согласусь, мне пришлось бы пройти с этим режиссером целую философскую школу. Внутренне я совершенно не готова к таким съемкам. Это связано и с воспитанием, и с тем, какая жизнь меня окружает. Но, честно говоря, я не знаю наших актрис, которые легко пошли бы «на эротику». Для этого нужен другой уровень мышления. Этот уровень должен воспитываться, «быть кровью», а не привноситься в душу насильственно. Недавно мой знакомый приехал из Индии и в качестве сувенира привез кафель, которым там выкладывают ванные комнаты. Каждая пластинка

кафеля изображает мужчину и женщину в определенной любовной позе. Помните, они этим стеной выкладывают!

Кроме того, для эрот-актрисы необходим большой сексуальный опыт, без которого невозможна, по моему, правдоподобная работа перед камерой. Профессионализм не спасает. Как и в любой истории, чтобы ее хорошо сыграть, ее нужно знать досконально. Недостаточно «знать на равных», нужно что-то еще, большее, «над».

Вообще для эротического кино женщина не обязательно должна быть профессиональной актрисой. Это тот случай, когда гораздо важнее «игра природы». Но, чтобы природа играла, необходимо быть внутренне раскрепощенным человеком. Не силой воли раскрепощенным, а воспитанием. Естественно, генетически, если хотите.

Что значит «быть раскрепощенным»? Не брать внутрь себя систему неявных, надуманных запретов, существующих вокруг. Как бы тебе говорят: нельзя два раза разводиться, иначе не поедешь за границу. Один не разводится и всю жизнь живет с нелюбимой женщиной. Другой говорит: а какого черта?! То есть запрет вроде бы и существует, но не имеет никакого отношения к этому второму человеку...

— В фильме «Русь изначальная» есть эпизод, где вам пришлось сниматься обнаженной по пояс. Это была раскрепощенность «волевая», как вы говорите, или естественная?

— На тот момент, по-видимому, естественная. Точнее, близкая к естественной. Но если бы мне сейчас предложили такой эпизод, я вряд ли согласилась бы.

Поясню. Тогда мне было совсем мало лет, а в юности гораздо меньше «зажимов», нежели с приобретением какого-то жизненного опыта. Жизнь построена таким образом, что она не раскрепощает человека, а, наоборот, последовательно его закрепощает, развивая массу табу и запретов.

Кроме того, в период съемок я встретила со своим будущим мужем, который был в меня страшно влюблен. Он убедил меня, что я самая красивая на свете, и я чувствовала себя прекрасной, уверенной, и никаких сомнений не возникало. Мне даже доставляло удовольствие, что на меня смотрят. И эти чужие глаза даже помогали, я включала их в момент чисто актерской игры.

Дело в том, что женщин, которые идут по жизни с полной убежденностью, что они богини, мало. Женщине нужна внутренняя опора, которую может дать любовь, наставник или вера. В тот момент меня раскрепостила любовь.

— Как вы считаете, женщина, которая снимается в подобной сцене, должна быть идеальной с точки зрения канонов красоты: внешность, фигура, «манкость», пластика и т. д. — или же внешние данные не играют большой роли? Что интересно увидеть зрителю — идеал или себе подобное?

— Я бы хотела видеть идеал и считаю, что наш зритель должен видеть идеал. На последнем кинофестивале я видела один очень эротический фильм, в котором главная героиня постоянно занималась любовью. У нее очень некрасивое тело. Почему я должна на это смотреть? Каждый раз

эти кадры были подобны удару по лицу. Дело в том, что «неидеалов» мы уже насмотрелись. Если на это смотреть, останешься «четвероногим» еще на сто лет.

Мэрилин Монро — единственная, хотя губы красили и волосы завивали, как она, многие. А она — одна. И когда человек смотрит на нее, ему кажется, что ему даются все обещания сразу. Но очень тонко. Это сто пирожных на одном блюде. Но сто пирожных, а не сто соленых огурцов!

Словом, среди наших актрис я не могу назвать никого, кто мог бы сняться в полноценном — с точки зрения художественности — эротическом эпизоде. По внешней привлекательности можно назвать многих, но этого мало. Глядя на Алферову, Друбич, Догилеву, мне не хочется освободиться от своих комплексов. В Догилевой, например, несмотря на то, что она замечательная актриса, много «крестьянства», а мне хочется в роли убогого видеть не убогого. Я слышала много раз: зато такие по улицам ходят, а такие, как, например, Гузеева, по улицам не ходят. Такие, как Догилева, — наш родной, средний уровень, зато когда мы попадаем на западные фильмы, мы «восторгаемся»: это инопланетяне! Да, инопланетяне.

— Из того, что вы говорите, совершенно определенно следует: нашему кинематографу и зрителю запретный плод эротики надкусывать не следует. Это так?

— Мне кажется, что сейчас нашему зрителю гораздо разумнее показывать лучшие западные фильмы с эротическими сценами. Самим снимать не надо. Мы не готовы.

Недавно мне сказали, что режиссер Хамраев, который раньше на «Узбекфильме» снимал картины про революцию, собирается снимать эротический фильм. Вот для меня это яркий знак того, что сейчас, по-видимому, начнется. Лично я участвовать в этом не хочу. Мне кажется, что отечественная кинопродукция с элементами эротизма только усугубит пошлость.

Нам бы для начала научиться говорить об эротике, не обвиняя говорящих в самом страшном преступлении, на которое способен человек. Сам предмет разговора должен перестать быть неприличностью. Нужно, чтобы эта тема спокойно, ровно, без оговорок, ухмылок и извинений вошла в нашу жизнь — в передачи ТВ, на радио, в печать, в изобразительные средства. Это какой-то очень широкий по палитре процесс, который должен происходить. Он уже начал происходить, но на этом этапе рано снимать кино.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАДР

Итак, эротика... Хорошо или плохо, нужно или «ни-зя-а»? У людей разных вкусов, различных поколений могут быть и разные мнения на этот счет.

Юные (и не очень) поклонники рока своими оценками выводят «неприличную», с точки зрения гувернантской морали, песенку «Казанова» свердловского ансамбля «Наутилус Помпилиус» в верхнюю десятку хит-парадов, ничуть не смущаясь припевом: «Ты — моя женщина, я — твой мужчина. Если надо причину, то это — причина».

И в то же время, когда одна газета публикует хит-парад с «Казановой», другая знакомит своих читателей с гневным письмом ленинградца старшего поколения: «Неужели никто не в силах остановить распространение похабщины в полумиллионных тиражах! Ужас!» Это — о скульптурной группе «Похищение Прозерпины Плутоном» у здания горного института в Ленинграде. Дело в том, что Лениздат «имел наглость» запечатлеть сию «пошлятину» на открытке...

Тут же цитируется письмо читателя-москвича: «В последнее время участились случаи выхода на экраны фильмов с голыми артистами-мужчинами. Это такие фильмы, как «Последняя релик-

Лада АКИМОВА

ЧУДЕСА НА СЦЕНЕ

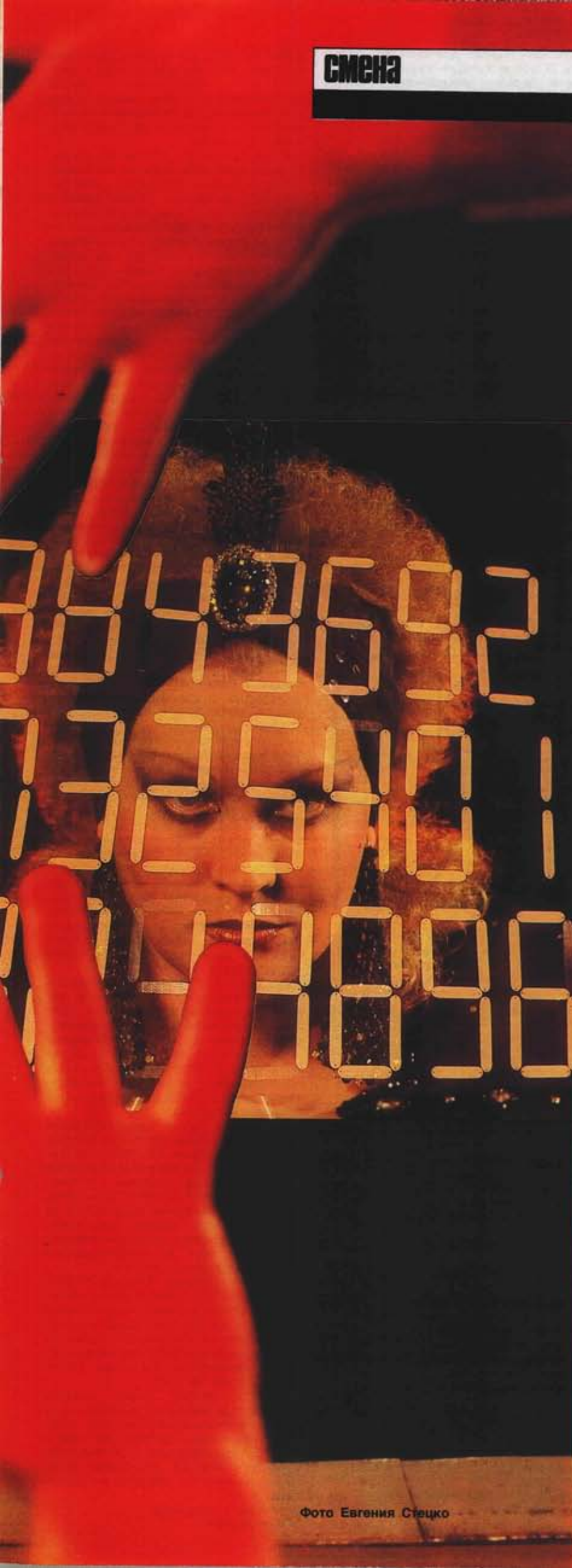

Фото Евгения Стецко

Шла обычная репетиция. Ей осталось подняться на последнюю ступень лестницы из сабель. Сильно закружилась голова. И, потеряв равновесие, она сорвалась с лестницы. Те, кто на

нее смотрел, поняли, что случилось непоправимое... Кровоизлияние в брюшную полость. Почти полная потеря крови. Клиническая смерть. Операция — единственная и последняя возможность спасти жизнь. Восемь часов врачи не отходили от операционного стола. Доноры отдали семь литров крови. Люди сделали все возможное да и невозможное тоже. Она очнулась на третий сутки и заплакала от собственного бессилия. Тело казалось чужим. Руки распухли от постоянных уколов. Вернуться на сцену? Смешно. Врачи даже думать об этом запретили. И все-таки она не смирилась. Вопреки приговору врачей решила начинать заново. Строжайший режим: гимнастика, прогулки, пробежки и — снова лестница. Та самая — со ступенями из сабель. По этой лестнице она снова училась подниматься. Только она одна знает, чего ей стоили эти занятия, эти мучительные занятия в 1983 году...

Кто она, эта загадочная женщина, нечеловеческим усилием воли вернувшая себя к жизни? Ее имя — Светлана Тим.

Мы встретились в городе Горьком, где проходили ее очередные гастроли. Я видела ее на сцене. Она стоит словно на палубе плывущего корабля. Копна светлых летящих волос. Рука высоко поднята. Так начинается спектакль «Невероятно? Но факт!». Он состоит из миниатюр, которые сменяются одна за другой. Актриса демонстрирует феноменальную память и мгновенный счет, угадывает мысли на расстоянии, показывает фрагменты забытого искусства факира и, наконец, проводит сеанс релаксации — демонстрация скрытых в человеке психофизических возможностей путем внушения без гипноза. Все это происходит при непосредственном участии зрителей.

— Задумайте и напишите на бумаге двузначное число, — обращается Светлана к зрителю, вышедшему на сцену. — А вы напишите свое имя, — это к другому. — Теперь обменяйтесь бумагой и проверьте. А я попробую отгадать.

— Встаньте передо мной, смотрите мне прямо в глаза. Сейчас я буду быстро называть числа от 0 до 9. Как только произнесу первую цифру вашего двузначного числа, вы меня мысленно остановите. Мысленно скажете: «Стоп!»

Актриса безошибочно угадывает число, задуманное зрителем, может назвать имя зрителя, дату его рождения. Демонстрируя феноменальную память, она способна запомнить более ста цифр попеременно со словами.

Но главные «чудеса» впереди. Обаятельно улыбаясь, с чисто женским лукавством, босая, ступает Светлана по саблям — ступеням лестницы, затем проводит по оголенной руке зажженным факлом, выдыхает огонь, идет по острым иглам и вдруг, «по волшебству», окружает себя фейерверком ослепительных искр.

— То, что я показываю на сцене, воспринимается многими как фокусы и трюкачество, — говорит актриса. — Это неверно. Просто я стремлюсь показать, чего может добиться человек усиленным воли и каждодневной упорной работой над собой. Нет ничего невозможного. Главное —

было бы желание преодолевать...

Зритель доверяет не всегда. Среди зрителей есть и скептики. Их, как правило, мало, но они, по словам актрисы, всегда «чувствуются».

— Очень трудно работать, когда в зале сидит хоть один такой человек. Я-то полностью доверяю зрителю. А такой человек специально выходит на сцену с видом, что мол, ничего у меня не получится! Хотя я все равно заставляю его делать то, что захочу...

«Захочу». «Смогу». «Заставлю». В этих глаголах вся она. Но — на сцене. А в жизни?

Светлана говорит задумчиво, очень тихо. Меня поразили ее глаза. Они живут как-то по-особому. То ярким огнем. То ироническим блеском. То появится в них вселенская — другого слова не подобрать — грусть.

Актриса рассказывает о своей жизни. Там все необычно — с самого начала.

Она родилась и выросла на Волге. С детства любила театр и цирк, все праздничное и возвышенное. Хотя в ее жизни было мало праздников и радости. Очень тяжело болела мама. Да и сама Светлана часто болела ангиной, получила осложнение на сердце. Врачи говорили, что неизлечимо. Никогда и никому не жаловалась. Потом увлеклась древнейшим учением индийских йогов. Потихоньку стала заниматься. Боялась, если узнают, запретят. Она ведь даже от физкультуры была освобождена, а тут — йога!

Но после очередного обследования врачи сказали, что она... здорова.

— Так я сама себя вылечила однажды от ревматизма сердца, — смеется Светлана.

Вторым серьезным увлечением стали люди-«каучуки», владеющие своим телом в совершенстве. Начала учиться и этому. Затем — первые выступления на сцене, первые гастроли... Но вскоре она решительно заявляет: «Этого мало. Это не предел». И снова работа над собой, ежедневная, до одури, до самозабвения. Занятия специальной гимнастикой, йогой, тренировка тела.

Она приезжает в Москву к известному русскому факиру Дмитрию Лонго. Ему было тогда 102 года. «Я хочу стать факиром!» — заявила Светлана. «Но женщина не может быть факиром!» — ответил Лонго. Вот когда ей пригодились то, чему она так долго училась и чем занималась самостоятельно. Проявившись все, что умеет, Светлана смогла убедить мэтра, что женщина может быть факиром.

По рекомендации Дмитрия Лонго она поступает во Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства, руководит которой народный артист РСФСР Леонид Семанович Маслоков. Окончив ее, становится дипломированным специалистом — артисткой оригинального жанра.

— Светлана! — задаю я тот самый, страшно «обывательский» вопрос. — А как вам удается ходить по саблям босиком?

— Внушаю себе, что не больно, и иду...

Светлана не любит говорить о работе. «Мою работу надо видеть, а не слушать о ней. И потом... у актеров оригинального жанра есть отвратительная привычка — плагиатство. Ты мучаешься, ломаешь голову над миниатюрой, придумываешь, а кто-то посмотрел или прочитал и — цап — быстро выдает за свое. Обидно».

Светлана Тим обладает великим даром — искусством владеть собой. Жалко, что у нее нет учеников. 21

вия» (Рижская киностудия), «Петр Первый» и др. Поэтому я в последний раз требую прекратить создавать и выпускать на экраны фильмы с кадрами, порочащими человеческое достоинство. Иначе будут приняты контрмеры». Такие вот дела.

Комментируя подобные «высоко-нравственные» перлы, сотрудник редакции вспоминает о фельетоне Ильфа и Петрова «Саванарыло»: редактор требует «свести на нет» грудь молодой официантки, изображенной на общепитовском плакате, поскольку «грудь — это неприлично».

Так что разговоры «про голых» — не новость.

Восточная мудрость гласит: «Если сто раз произнесешь «халва», во рту сладко не станет». Поразительно другое: сладко не становится, а кариес тут как тут! Зубастость тех, кто должен убедительно показывать, как и почему не надо бояться собственного тела и разговора о нем, далеко уступает категоричности апологетов «целомудренного» искусства.

Сюжет о половом воспитании из вечерней молодежной телепередачи «Взгляд» запоминается прежде всего запрограммированностью на сердитую реакцию аудитории немолодежной. Это во-первых. А во-вторых, несчастная жатостью ведущих. Старательность, с которой молодые люди пытались сохранить невозмутимость, пригодна была в столь поздний час где угодно, но не перед камерой прямого эфира. Коротенькое слово «секс» давалось тележурналистам куда мучительнее, чем какая-нибудь заковыристая «экстраполяция». Но экстраполировать идею замордованности сексуального просвещения авторы передачи не захотели или постеснялись.

Все-таки сдается, что, молвив «а», нужно отважиться и на «б»... А не метаться к телефонам, дабы затем оправдывающимся тоном сообщить: большинство молодежи одобрило-де сюжет, и потом еще счастливо поправляться, что и преклонного возраста зрители, оказывается, «за».

Даже старшеклассники, снятые в пресловутом сюжете или просто смотрящие его, могли бы одобрительно отозваться о данной работе лишь в снисходительно-поощрительном тоне: «Ну-ну, дядя, расскажи нам...» Хорошо ли это, плохо ли, но нынешние шестнадцатилетние знают «про это самое» гораздо больше, чем может сегодня показать ТВ. А многие уже досыта «накушались эротики». Причем вовсе не на экранах видео.

И — как знать! — настолько ли уж порочен опыт наших северных соседей, где рассказывают все про все с шокирующей (применительно к нашей системе координат) откровенностью. Ведь в скандинавских странах, где секс-пропаганда есть неотъемлемая составная всего шоу-бизнеса, статистика, допустим, половых преступлений значительно благополучнее, чем на Апеннинах или Пиренеях, в государствах с традиционно влияющей католической церковью, ведущей неравную борьбу против нашествия коварного языческого Эроса. Впрочем, в той же Италии не так давно порнозвезда избрана депутатом парламента. Ну, да ладно. Вернемся к нашим... школьникам.

На свой страх и риск мы провели этаким социальный блицпроп.

Место эксперимента: район Пушкинской площади столицы (вестибюль метро, фойе кинотеатра «Россия», кафе «Лири» и «Север»).

Время: пятница — от 23.15 до 23.55, суббота — среда бела дня.

Легенда: мы, совладельцы и создатели видеокооператива «Ну-ка, отсниму», ищем девушку, «блондинку небольшого роста (высокую шатенку, брюнетку с короткой стрижкой...), короче, «вы нам подходите» для съемок семиминутного видеоклипа на боевик популярного рокера, исполняющего в сюжете главную мужскую роль.

Предлагаемые условия: съемки че-

рез неделю (когда музыкант вернется из заграничного турне), сниматься надо в совершенно обнаженном виде: сцена изображает «брачные игры на ковре».

Возраст опрашиваемых: от 15 до 18.

Результаты и информация к размышлению: из двадцати хороших и модно одетых девушек тринадцать решительно готовы; три попросили день-другой на ответ; одна отказалась, сославшись на профиль выбранного вуза; одна посоветовала, что муж — ревнивец; одна выдвинула робкое контрусловие — «только со спины», и, наконец, одна — подчеркиваем — всего одна! — искренне ужаснулась: «Родители с ума сойдут!» (Помимо этого, несколько дев безапелляционно отказались обсуждать подобные условия, заподозрив в нас то ли проходимцев без видео, то ли маньяков с таковым, кроме того, мы несколько раз ошибались, определяя возраст.)

Выводы делайте сами.

Любовь, дело ясное, все возрасты покорны. А что касается киноэротики, то к ней отношение, видимо, значительно постулируется и «локальной» моралью, и сопряженным с ней количеством прожитых лет.

...Еще один дубль, пожалуйста.

В КАДРЕ — СВЕТЛАНА КОПЫЛОВА

— В финальной сцене фильма «Меня зовут Арлекино» вашу героиню жестоко насилуют. Сцена снята очень откровенно. Как вы сами считаете, подобная откровенность нужна для коммерческого успеха картины или же необходима фильму смыс-

лову, оправдана всей логикой предыдущего повествования?

— Я считаю, что эта сцена — всего лишь дополнение к идее фильма, одна из ярких смысловых иллюстраций. Наш фильм — о современной молодежи, о нравах не лучшей части молодежи, ее жестокости, которую мы часто можем наблюдать в жизни. Я считаю, что режиссер нашей картины Валерий Рыбачев никогда не стал бы снимать эту сцену только ради зрительского «шума», из желания угодить публике. Мне кажется, что наш фильм станет событием именно за счет художественных достоинств, но не из-за сцены «полового акта», хотя столь открыто она впервые показана в нашем кино...

— Когда вас снимали в этой сцене, вы думали о том, как будете выглядеть впоследствии на экране? Вас заботила ваша женская привлекательность в восприятии тех, кто будет сидеть в зале во время просмотра?

— Меня, простите, грубо «насиловали». А когда насилуют, вряд ли думаешь о том, чтобы выглядеть по-привлекательнее. Эта съемка была настолько тяжелой и физически, и морально, что я находилась в какой-то «отключке». Уже потом я могла кое-как оценить, проанализировать свое состояние и почувствовала дикую усталость. Уже потом я обнаружила, что у меня вся спина исцарапана травой. Уже потом я почувствовала, что у меня все болит.

— Хотите вы этого или нет, но многие зрители будут реагировать и говорить о картине именно в связи с этой сценой, а уж потом оценивать

художественные достоинства фильма. В конце концов журнал «Советский экран», рекламируя съемки фильма, не случайно центральной фотографией репортажа сделал кадр, где вы изображены в полуобнаженном, растрепанном виде...

— Действительно, после выхода этого номера меня пригласили на «Мосфильм» на переговоры. Первое, что мне сказал режиссер: «А я вас видел в журнале, вы там с обнаженной грудью...» Мне это как-то не понравилось. Я поняла, если бы у меня была закрыта грудь, меня, наверное, не позвали бы на переговоры...

— Вы согласились бы сниматься в эротическом кино?

— Если бы эротика была оправдана идеей фильма и снимал хороший режиссер, которому я бы поверила безоговорочно, тогда да. В бессмысленном эротическом фильме нет.

— А если бы компромисс предполагал большую сумму денег?

— Это глупый вопрос.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме?

— И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты?

— Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Вы согласились бы сниматься в эротическом кино? — Если бы эротика была оправдана идеей фильма и снимал хороший режиссер, которому я бы поверила безоговорочно, тогда да. В бессмысленном эротическом фильме нет.

— А если бы компромисс предполагал большую сумму денег? — Это глупый вопрос.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

ет, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме? — И это глупый вопрос. Эротика, повторю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты? — Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волну-

Алексей КАРЕТНИКОВ

ПЕНА

■ Не берись, — говорит Скептик, — тема скользкая. Давай-ка лучше к редиске поближе.

Работая локтями, мы тщетно пробиваемся к рынку — манящие нас дары земли надежно заблокированы плотным кольцом удивительного и невиданного доселе торжища. Толпа колышет нас, увлекая во чрево странного, угрюмого изобилия.

На руках, на плечах и на стойках, похожих на мольберты, развешен товар: бронзово-поблескивают пряжками, серебрятся «молниями» разноцветные, разномастные, но, на удивление, однотильные куртки, штаны, кофты, плащи. Полногрудые нимфы, игривые грации, крашенные «под золото» гипсовые пепельницы в виде обнаженных див призывно безмолвствуют на лотках. В раскрытых кейсах театральным блеском сверкает пластмассово-стеклянная бижутерия, заставляя вспоминать: нечто подобное привозили на тропические острова первые европейцы, вызывая восторг толпы в набедренных повязках. Тут климат иной и времена другие...

Девчушка в стоптанных саложках, в кургузом пальтишке — по виду ученица ПТУ — вытаскивает из кошелька сложенную пятерочку, дрожащими худенькими пальцами опускает ее в плотную пятипалую ладонь и получает взамен ядовито-розовую брошку в виде курчавой головки, обликом напоминающую эстрадного кумира... Ее одногодок, скопивший три зарплаты, примеряется к мохнатой, шире собственных плеч, шапке. Шапочный ряд — самое поразительное. Куда там блестящим штанам, дебелим нимфам и брошкам с ангелочками, тут заворачивают покруче!

Лиса, волк, заяц, овчина сиротливо жмутся и потерялись совсем среди «экзотики» отеческих наших широт. А вот не угодно ли: колли, сенбернар, ньюфаундленд, королевский пудель...

— Кто это? — с содроганием, как мне кажется, спрашивает паренек чернявого с усиками молодца.

— Шакал, — отвечает тот зло-весело и глядит испытующе на паренка. Так и сказал: как будто представился. — Хороший мех, дорогой мех, бери — не пожалеешь!

Все тут по имени не называемое, а хоть бы и под шакальим псевдонимом, но глаз-то не солжет. Протолкайся в другой ряд — увидишь униженные пряжками и расчерченные «молниями» куртки из догов и доbermanов, шубы из борзых... Не зоопарк это, не «В мире животных», это живодерня в последней, исходящей, так сказать, ее стадии!

— Жутковато? — спрашиваю я моего Скептика.

— Ладно... Давай к редиске двайгай.

— Нет, ты погляди на «делопроизводителей», то бишь купцов! Молодец к молодцу! И то правда: дай бог, если на сотню торгующих наберется здесь пяток старушек да столько же еще тех, кому за сорок. Остальные возраста самого спелого или к тому приближающегося. Вот оно, племя младое, но знакомое!

Знакомое, знакомое! И очки протирать не надо: выдвигали мы этих молодых, так сказать, людей и раньше — у мебельных, у коммиссионков с десяти до семи, с перерывом на сытный обед несут там исправно нелегкую свою службу «фирменные мальчишки» и сегодня. Скрипят кожей, плечи и ноги обтянуты джинсовой шкурой, готовой вот-вот лопнуть под напором жизненных сил. Ну, бывает, возьмет милицейский такого под локоток, проведет куда надо, а там, глядящая, опять молодец на месте — на еждневном своем посту...

Что тут сказать? А то, что говорится сегодня в открытую: только совсем уж наивный человек дивиться мог, а большинство и тогда понимало, что коррупция наверху порождает, а собственным существованием и сохраняет эту, позволю себе, хоть и в кавычках, сказать «элиту», ведь они тоже «избранные». «Возмужав», заматерев и проявившись те-

перь, полагаю, уже в полной мере, тип этот обнаруживает глубокие, увы, корни. Он вызревал постепенно.

Где концы, где начала — сразу и не разберешь. Я это к тому, что новоявленное торжище отнюдь не наводит на мысль, будто рождается на наших глазах новая общественная прослойка. В том-то и дело, что прослойка эта существовала, жила вольготно и во времена зажима всякой инициативы. Но вот что любопытно, вот чему подивиться в пору: выходит, сегодня-то, когда война коррупции и кастовости объявлена всерьез, невзирая на чины и лица, их полку прибыло! И тут есть о чем подумать.

О том, например, что сегодня тип этот настолько созрел, что, кроме вполне понятного социального неприятия, заслуживает того, чтобы обратить на него и художественное внимание, подобно тому как осмыслено было замечательным нашим писателем давнего племени «архаровцев». Смею думать, крайне любопытен и этот тип для литературы, а равно и для нашей истории как побочный ее продукт. Так что по всему выходит: перед нами та же самая, с давнишними корешками прослойка, да только потолще. Но самое интересное заключается в том, что под локоток-то этих уже и не взять...

— Я и говорю, тема скользкая, — продолжал мой Скептик. — Сегодня к ним не подступишься — они под защитой закона об индивидуальной трудовой деятельности. Слыхал?

— Э, нет! — воскликнул я, чувствуя здесь слабость собеседника. — Они не под защитой этого закона, они лезут под его защиту! Какая же она трудовая, какая же деятельность, разве одно — индивидуальная?

Но спорить трудно было, находясь в самом чреве этого мрачного царства изобилия. До редиски мы в тот день так и не добрались. Покинув подступы к рынку несолоно хлебавши, отправились домой, где и продолжали разговор:

— Нет, что ни говори, а частный сектор — это вещь!

Здесь возражать я не мог, но заметил все же, что частный частному рознь. Когда это результат труда — подчеркиваю, труда, — я за частный сектор обеими руками и куплю, конечно, переплатив, ботинки у частного сапожника, а не свиновые фабричные копыта в магазине. И брюки купил бы, но не те — сторублевые из двухрублевой ткани.

— Насчет цен это ты верно... Хоть бы уздечку какую накинуть, а ты понесут, — соглашался Скептик, но тем не менее, вздохнув, продолжал убеждать, что во все времена от этого никуда было не деться; деляг, мол, жучков нахрапистых всегда хватало. Взять хотя бы черный рынок. Как ни прикрывай его фивовым листом умалчивания, он — зеркало, в которое пусть стыдно и горько глядеться, но оно правдиво отражает наши недостатки на сегодняшний, так сказать, день. Кроме того, есть в нем и юмор, и сатира, и даже драма с трагедией его не обошли. Здесь — ни смеха, ни улыбки, а купец или нагл и глядит победителем, или угрюм и прячет глаза...

— А между тем мы пользуемся их услугами и, похоже, долго будем пользоваться, если в общественном секторе необходимый всем ширпотреб зашел в тупик... Нет, не все стриги, что растет. На такие вещи смотреть надо философски. Торжище, которое мы видели, да и сами «делопроизводители», как ты изволил выразиться, — это всего лишь пена

на волне перестройки. Только «пена» здесь — категория, если хочешь, философская, и спор вести нужно в рамках экономической, я бы даже сказал, социальной темы.

— Согласен. Но эта социально-экономическая тема имеет и морально-этический аспект! Как быть с ним?

Дальше убеждал я Скептика, что это срам — молодому парню изготавливать дамские купальники; гнушно, если он дерет в прямом смысле шкуру с собаки, а потом в переносном — три с человека. И как философски можно взирать на то, что шкуродер, меняющий каждый год «Жигули», получает в пять раз больше, чем зарабатывает хирург, оперирующий по нескольку раз в день, а с работы и на работу — в автобусе, с двумя пересадками? Могут ли я спокойно видеть, как откормленный бугай, которого в пору на ВДНХ экспонировать, как этот «производитель», грабя, калечит вкус молоденькой девчонки? Да что там вкус! Вкусив от этого торжища, не пустит ли и она собственную жизнь тем же руслом? А робкий тот паренек перед шакалом? Хорошо, как крепко, хорошо, коли есть кому осечь и подсказать, а если нет?! Кто защитит их от племени, которое так спокойно называем мы общественной прослойкой, которому даем и корма, и угоды, а потом дивимся, откуда оно?.. Смешно, конечно, было бы полагать, будто исходит от него угроза нашей экономике. Угроза — только моральная, но смотреть на нее сквозь пальцы — позиция тоже не из лучших. Да, объявлена нынче война чиновникам и бюрократам, но спросить хочется: воевать с этими оставим нашим детям? А что как к тому времени будет уже и не продохнуть — разрастется племя?..

Скептик пожал плечами, но не ответил. Да и как мог ответить, когда он, как, надеюсь, догадывается читатель, — вторая половина самого автора, у которого, кроме убеждений, есть и сомнения; а нужно ли вообще бороться с тем, чего мы коснулись, не будет ли здесь противоречия новым веяниям?

Признаюсь, прежде чем предложить эти заметки вниманию читателей, «опробовал» я тему в устных разговорах и солгу, если скажу, что мои доводы всех убедили. Больше того, пришлось услышать, что, сам того не сознавая, играю я на руку противникам перестройки: «Только глотнули свободы, и на тебе — поворачивай обратно! Ты что же, предлагаешь, как прежде, — держать и не пущать?»

Разумеется, этого я не предлагаю.

Для начала предлагаю называть вещи своими именами. Созная, что в известные годы и «на фронте ширпотреба» образовалась брешь, я понимаю и то, что латать ее ринулись не лучшие, будем так говорить, представители общества. И хотелось бы услышать достаточные доводы против того, что здесь мы имеем дело с общественной аномалией. Интересовать нас вполне могут и вопросы, так сказать, юридические: к кому, например, прирывать шкуродера и что он пишет в графе «профессия»? Не исключено, впрочем, что он представится вам студентом МГУ. В таком случае, взглянув на часы, спросите у него, в котором часу начинаются лекции... Думається, на нынешнем этапе гласности пора бы и эти вещи назвать своими именами.

Следуя, однако, течению логической этой цепочки, автор отнюдь не уверен, что благополучно минует рифы. В самом деле, с одной стороны, мы прекрасно сознаем, кто они, с другой — пользуемся их услугами... И впрямь, немудрено тут выплеснуть вместе с водой то, чего выплескивать не следует. Что же, замкнутый круг?

А может быть, Скептик все-таки прав: не все стриги, что растет, и нужно просто ждать, когда сама собой осядет пена или ветер перемен сдует ее с волны перестройки? И, быть может, в самом деле поторопился автор, взявшись за эту «скользкую» тему? Что скажете вы, читатели?

Людмила БРАТАШ

Название ледового ансамбля — «Все звезды» — появилось на афишах более трех лет назад, когда большой спорт покинули сразу несколько ярких и самобытных мастеров фигурного катания. Сама же идея создания такого коллектива родилась в доме у заслуженного тренера СССР Татьяны Тарасовой и ее мужа, известного пианиста Владимира Крайнева.

Мир фигурного катания прекрасно знал этих спортсменов, чемпионов и призеров крупнейших всесоюзных и международных соревнований, — Юрия Овчинникова, Ольгу Воложинскую и Александра Свирина, Веронику Першину и Марата Акбарова, Елену Гаранину и Игоря Завозина, Инну Волянскую и Валерия Спиридонова, Ирину Жук и Олега Петрова, Леонида Казнакова и Виолетту Андрееву. Теперь они стали артистами.

Спорт дал им высокую технику катания, ансамбль необычайно широко раскрыл творческие и актерские возможности каждого. Соединенные вместе и поддержанные высокой хореографической культурой руководителя ансамбля Татьяны Тарасовой, они сделали ледовый танец «Всех звезд» поистине великолепным зрелищем.

В репертуаре ансамбля сейчас пять ледово-хореографических спектаклей.

Первый из них — «И помнит мир спасенный» — поставлен Татьяной Тарасовой и Еленой Чайковской к 40-летию Победы.

«Мы сегодня вас уважим, Русь веселую покажем!» — так начинается другой спектакль — «Русская ярмарка», где озорной и веселый Петрушка приглашает зрителей побывать на «Посиделках», посмотреть «Завлекаши», «Барыню», «Валенки», забавную «Цыганочку», лиричную «Рябину» — номера в этой програм-

ме яркие и красочны, а атмосфера праздника, народного гулянья остается в сердцах тысяч зрителей.

В спектакле «Дивертисмент» более тридцати номеров. Это и лиричный танец Гараниной — Завозина на музыку из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь», выразительный и трагичный Овчинников в «Паяцах», яркий и зрелищный «Балет» — ледовая миниатюра на песню Аллы Пугачевой.

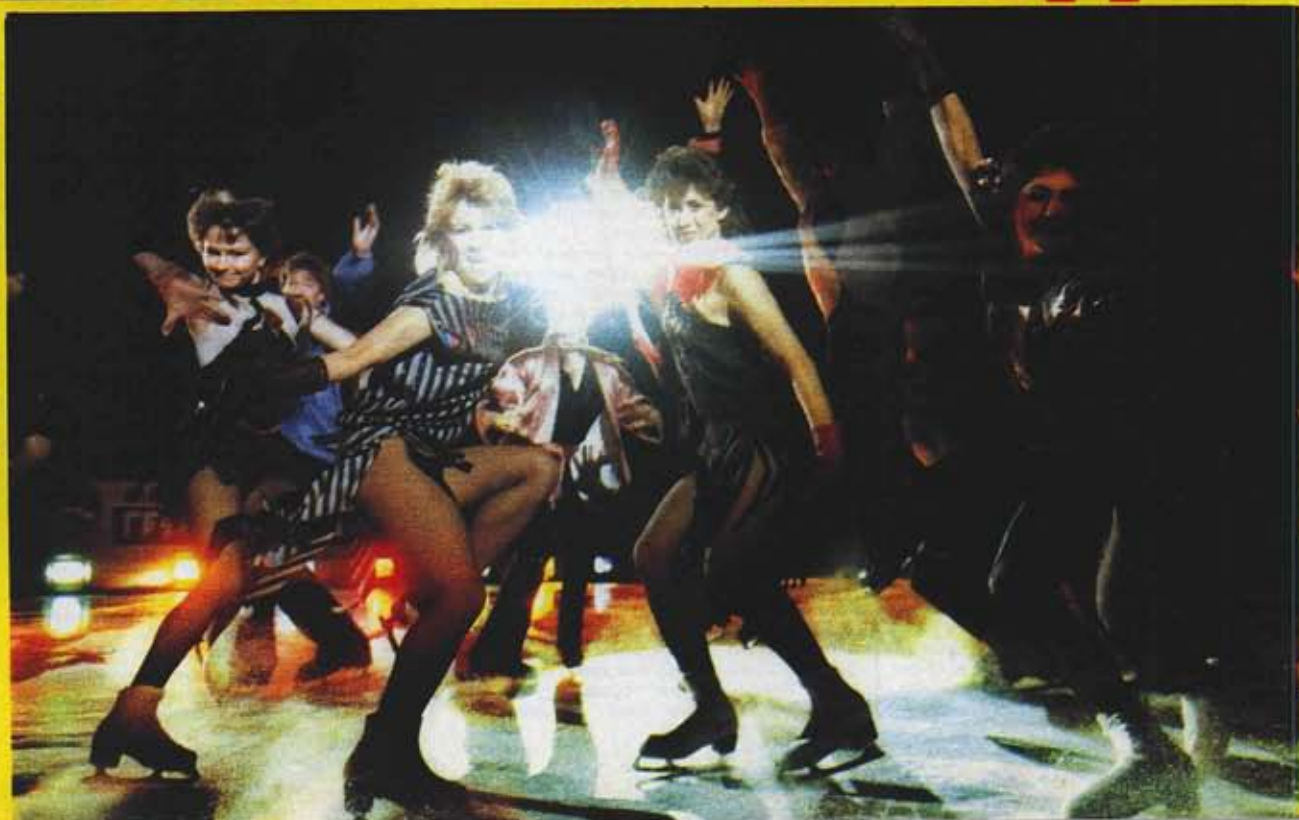
Особое место в репертуаре ансамбля занимает «Болеро» на музыку Равеля. Хореографическое решение этого известного произведения необычно в постановке Татьяны Тарасовой. Постоянное стремление человека к победе добра над злом — вот то главное, что удалось с присущей ей тонкостью и изяществом, глубиной проникновения в образ выразить в таком сложном, трагичном и эмоциональном «Болеро».

А каким, оказывается, разным может быть всеми любимое танго! Ревность, любовь, ярость, гнев, гротеск, ирония и одиночество — все эти чувства удивительно зримо воплощают на льду участники прекрасного ледового спектакля «Танго, танго».

Прошлым летом ансамбль «Все звезды» пригласил прославленных английских фигуристов Джейн Торвилл и Кристофера Дина поработать над постановкой совместной программы. Все, кто видел ее в Лужниках, были единодушны в оценке: «Это успех!» В конце года эту программу ансамбль показал специально для воспитанников детских домов и интернатов Москвы, а весь сбор от одного из представлений перечислил в Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Скоро английские фигуристы приедут в Москву для совместной работы, планируются гастроли по городам нашей страны, а затем «Все звезды» вместе с Торвилл и Дином продолжат выступления в Англии, Австралии и Новой Зеландии.

"ВСЕ ЗВЕЗДЫ"

Весела ЛЮЦКАНОВА

КЛОНИНГИ

Лабиринты

1

Мы жили одни, в полной изоляции, что казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Мы были похожи друг на друга, как две капли воды, и, хотя меня всегда это смущало, я считал это вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Наши изнурительные занятия в лабораториях, лекции, где подчеркивалась огромная роль нашей работы и значение ошибок, которые могли бы стоить нам жизни, полное молчание по некоторым вопросам, стерилизационные камеры на этажах — чем ниже, тем выше степень стерильности, сигнальные установки, реагирующие на малейшее загрязнение нашей одежды, микроскопы, шифровальные устройства, системы дистанционного управления, и наши воспитатели с различными лицами, волосами, руками, походкой — все это с детских лет казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Иногда я задавал себе вопрос, почему все это так, мне хотелось задать и более конкретные вопросы нашим непогрешимым ЭВМ, но все время что-то мешало, а потом меня вызывал доктор Андриш, внимательно осматривал, предлагал длинные и запутанные тесты и недовольно качал головой. Но когда я пошел за доктором Зибелем, я почувствовал, что иду к истине, и не было силы, которая заставила бы меня свернуть с этого пути. И все-таки хорошо, что Зибель ни разу не оглянулся. Погруженный в свои мысли, он не заметил меня в освещенном до белизны коридоре, потом — в лифте, который уносил нас вверх, и в мягком зеленоватом свете следующего коридора, а я неотступно следовал за ним, и толстый ковер впитывал в себя звук моих шагов. Поговаривали, что его жена при смерти, а у него нет возможности ее повидать, и это отравляло его существование. Говорили еще, что она... Но чего только не скажут люди! Когда-то давно я видел его жену. Зибель совсем ушел в мысли о своей жене и, не оглянувшись, прямо на моих глазах нажал на что-то в полу, в стене появилась дверь, за которой он тотчас скрылся. Потом и дверь исчезла. Я искал ее глазами, пальцами ощупывал стену, разглядывал каждый миллиметр пола и в конце концов разобрался в ее механизме. Казалось, что сердце вот-вот лопнет, руки тряслись, как под действием электрического тока. Я закрыл глаза, прижался спиной к стене и попытался успокоить сердцебиение. Прошла минута, две — удары сердца стали более ровными, руки неподвижно застыли на моем белом халате, я подавил нетерпение и весь превратился в трезвую оценивающую мысль. Я должен ждать. Сейчас Зибель был в тайном кабинете. Внимательно осмотревшись, я встал на колени и скальпелем, который был у меня в кармане, сделал на ковре знак, маленький, едва заметный крестик, и от него на обоях пометил весь свой обратный путь. Я ушел. Но ненадолго.

2

Считал ли я все, что нас окружало, естественным до той минуты, когда пошел за доктором Зибелем? Глупости! Я просто приказал себе ни о чем не думать. Я подавил это глубоко в себе. И вдруг я мысленно вернулся в прошлое и стал вспоминать.

В четыре года я расцарапал лица другим мальчикам. Меня поймали на месте преступления и наказали. Долго держали в изоляции, больше месяца. Мне приносили еду. Время от времени приходил доктор Андриш. Или сам доктор Зибель. Я беседовал с ними. Расспрашивал об этой нашей ужасающей схожести. Они говорили мне, что когда-нибудь я все узнаю. Они позовут меня к себе и все объяснят. С тех пор прошло много лет. Ни тот, ни другой не позвали меня.

В семь лет я разбил все зеркала в общих комнатах. Вполне сознательно. И вполне сознательно не тронул

зеркала в своей собственной комнате. Нас всех построили, допрашивали, угрожали, били, а потом... повесили новые зеркала. Только в туалетах. Тогда я впервые осознал их бессилие. При каждом удобном случае я старался отделиться и подолгу наблюдал за нашими воспитателями, рассматривая их так, как рассматривают клетку под микроскопом, с пристальным вниманием и надеждой раскрыть тайну.

В десять лет я узнал о происхождении видов и почувствовал, что близок к истине. Какое заблуждение! Мне нравилась наша повариха, я пробирался в кухню, усаживался рядом и разглядывал ее. Она пугалась, все расспрашивала, кто я такой, боялась дотронуться до меня, совала мне в руки какое-нибудь лакомство и ласково выставяла за дверь. У нее были красивые глаза, и рядом все время вертелся молодой Хензег. Может быть, как раз тогда я возненавидел его; она нежно встречала его, обнимала за шею и забывала о моем существовании. Но Хензег своим хищным взглядом всегда находил меня, тащил за руку по лестнице, выволакивал на верхний этаж и грозился расправиться со мной, если еще раз увидит внизу. И расправился бы, если бы не просьбы девушки. А наверху Хензег уже не мог отличить меня от остальных.

Потом девушка исчезла. И больше я о ней ничего не слышал.

Нас будили электронные часы. Мягкие женские голоса приглашали нас в физкультурный зал. Под звуки музыки и бесплотный мужской голос мы выполняли сложные физические упражнения. В столовой нас ожидали накрытые столы. После нашего ухода двери плотно закрывались, и за ними начиналась какая-то суета. Слышались голоса, шаги, смех, но мы послушно спускались в лаборатории на очередное занятие по биохимии. Зибель распределял нас на группы. Руководили нами молодые мужчины одинакового роста, одетые в одинаковые белые халаты, с белыми масками на лицах и в огромных темных очках, которые скрывали их глаза. Их голоса, ровные, безразличные, всегда звучали одинаково. Мы не задавали вопросов, не было смысла.

Доктор Зибель, доктор Хензег и доктор Андриш — три человека, с которыми мы могли свободно разговаривать.

3

Теперь я знал что-то очень важное, о чем другие не подозревали. И это сразу выделило меня среди остальных. Я не мог спать. Утром вставал раньше всех и до начала занятий ходил в одиночестве по коридорам, следили, выжидал, затаив дыхание, подслушивал, прижимая ухо к стене. Как можно скорее я хотел добраться до истины. Я был уже близко, чувствовал ее. И чем ближе я к ней подходил, тем осторожнее должен был себя вести. Иногда я следили и за Хензегом, но Хензег ни в чем не походил на Зибеля. Он сразу чувствовал мое присутствие. Несколько раз я вырывался к доктору Андришу, неожиданно и в самый неподходящий момент. Старый, усталый доктор Андриш! Он охотно давал мне лекарства, которые я просил, и ни разу ни в чем не заподозрил. Я пытался втянуть его в разговоры о жизни, о людях, о различиях между ними, но доктор ограничивался вопросами о своем здоровье.

У Зибеля был тайный кабинет, эта мысль не давала мне покоя.

Что он скрывал? И от кого? Знал ли кто-нибудь о его существовании? Может быть, даже Хензег не знал?

Этот Хензег, высокий и сухоощавый, подвижный, с молниеносными реакциями, постоянно был рядом с нами. Он в любое время появлялся в лаборатории или в спальне, всегда присутствовал на наших осмотрах у доктора Андриша, а потом долго оставался в его кабинете, и они разговаривали, разговаривали... Часто посещал лекции доктора Зибеля, а потом, оставшись наедине, они о чем-то спорили. Сейчас я стремился понять истинную роль Хензеге. И мне

кажется, я понял: он был чем-то вроде фонендоскопа доктора Андриша, приставленного к нашим сердцам, вроде металлических пластинок, прижатых к нашим вискам. Таким был Хензег. Все остальные с благодарностью принимали его заботу, я и сам, хотя и без благодарности, принимал ее вплоть до минуты, когда пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Но после этой минуты все изменилось.

Моя работа была полна загадок. В герметическом костюме, простерилизованный до последнего волоска на голове, я спускался в камеры, где ставились опыты, изучал возможности живых организмов и их приспособляемость, а потом закладывал программы в наши ЭВМ, и полученные данные куда-то исчезали, возможно, они оказывались в тайном кабинете Зибеля, где производились обобщения и выводы, и куда я собирался проникнуть, чтобы завладеть истиной, какой бы она ни была.

Несколько моих попыток проникнуть в тайный кабинет Зибеля оказались безуспешными. Но я не терял надежды.

4

У нас были занятия с Зибелем. Он строил наши характеры медленно, методично, по строго определенной схеме. Первые пятнадцать минут он учил нас отдавать жизнь науке. (Как будто у нас был выбор!) При этих словах его лицо вспыхивало, в голосе появлялись высокие ноты.

Итак, у нас были занятия с Зибелем, я воспользовался переменой, оторвался от группы и бросился бежать. Я весь дрожал и постоянно оглядывался. Ужасно боялся, что кто-нибудь остановит меня на пороге моего открытия. Я должен узнать — потом пусть меня наказывают, как хотят, пусть меня убьют, но прежде я должен узнать! Уже прошло несколько суток с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Было несколько неудачных попыток. И сейчас, встав на колени, я искал маленький знак, оставленный моим скальпелем. Я так волновался, что с трудом его нашел. На мгновение я застыл — от радости или от страха, потом наступил на отмеченное место, в стене мелькнула та же самая дверь, и я очутился в обычной комнате. Такие же, как везде, стены и шкафы, такие же экраны и полки с книгами, та же самая простая пластиковая мебель. Почему же тогда о существовании комнаты никто не должен знать? И все-таки эта комната в чем-то была другой, хотя ее отличие не сразу бросалось в глаза. Вглядевшись внимательнее, я понял, что другой была большая карта на стене, зеленая, с какими-то темно-коричневыми линиями и темно-коричневыми кружочками со странными названиями: я попытался прочитать некоторые из них, но ничего не понял; в левом нижнем углу я увидел большой красный круг и слово, написанное большими красными буквами, которое сразу привлекло мое внимание, — клонинги. Что это такое? Повторил его несколько раз, я вдруг начал понимать, что оно каким-то образом связано с нами, что это слово раскроет мне что-то новое и страшное. Я схватил с полки первую попавшуюся книгу — большинство слов в книге мне было незнакомо. Я схватил

этаже. Каждый этаж здесь освещался разным ярким светом, все они были построены по одному и тому же плану.

Я расхаживал около массивных дверей круглого зала и тщетно пытался что-либо услышать. Стены, отражающие мягкий синий свет, поглощали каждый звук, ковер заглушал звук моих шагов. И шаги другого, кто вырос за моей спиной. Мы подозрительно посмотрели друг на друга и разошлись, потом, не произнося ни слова, снова подошли друг к другу. И так несколько раз. Может быть, его поставили здесь для охраны? Вряд ли. Разве могли бы они довериться кому-то, кого нельзя отличить от других?

— Послушай, — наконец решился я, — нам нужно больше доверять друг другу. Один ты ничего не сможешь сделать, так же как и я.

Клонинг вздрогнул. Неужели передо мной стоит девяносто третий?

— Почему они заседают? Опять что-нибудь случилось? Я постоянно слежу за Хензегом, а он постоянно следит за Зибелем, а у Зибеля по пятнам все время идет один из наших. Я иду его, хочу ему помочь, а он от всех скрывается. И от меня тоже. Почему? Боятся?..

— Все в их руках!

— А в наших руках наша анонимность. Мы можем превратить ее в такое преимущество, от которого у них волосы встанут дыбом. Среди убитых были твои друзья?

— У тебя здесь есть друзья?

— Нет. Но должны быть. Сначала нас будет двое, потом — четверо, потом...

— Ты мне не веришь. Почему?

— Я боюсь, что за тобой стоит Хензег. Хензег — везде.

— Глупости! — засмеялся я, в первый раз засмеялся. — А я не боюсь. Даже если ты меня выдашь. Страх для человека — самое ужасное. Но мы не люди. Мы — клонинги.

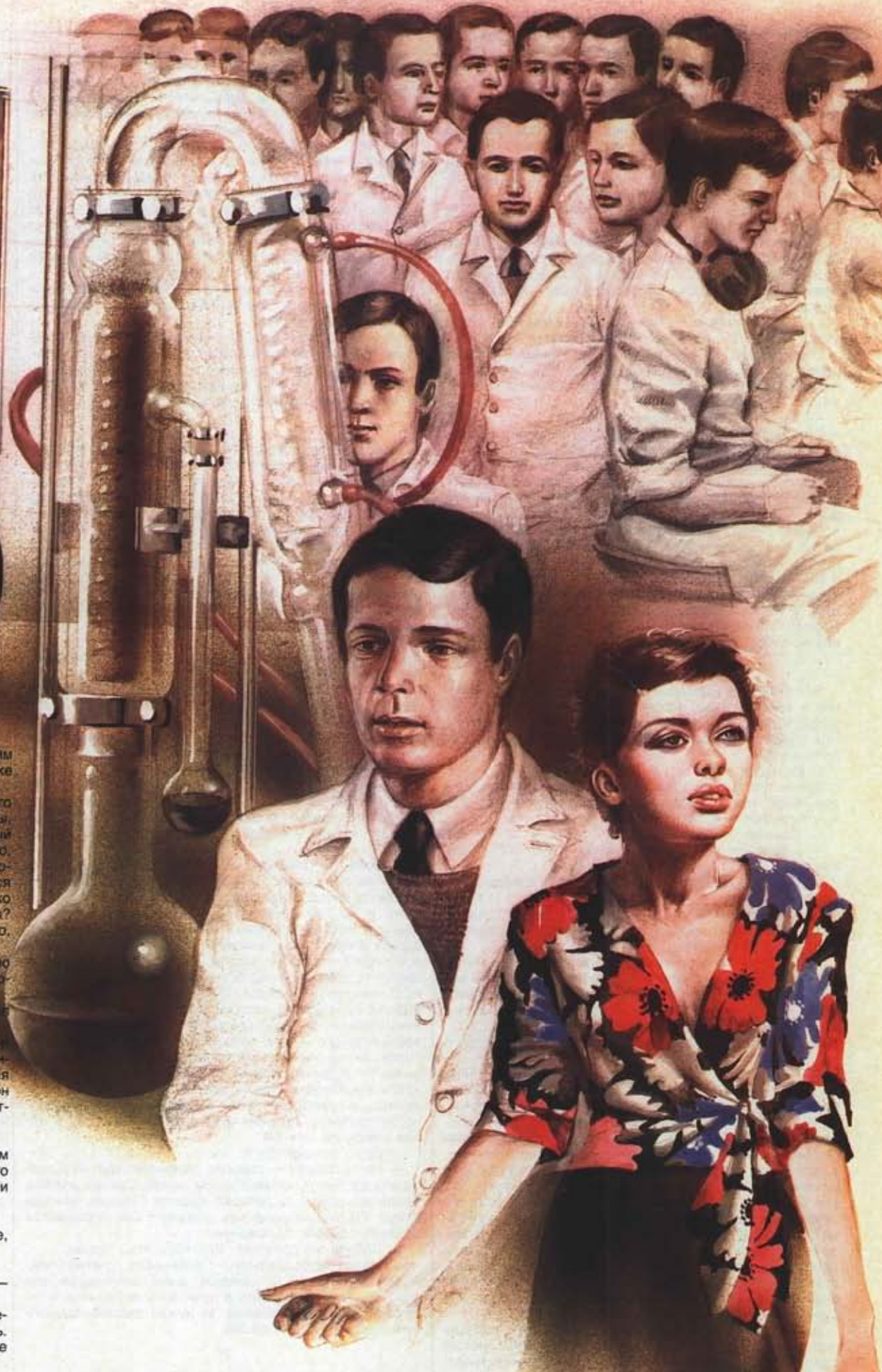
— Перестань смеяться... Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Мы спустились в лабораторию. Через три стерилизационные камеры. Через два процедурных коридора. Вошли в сектор Ц. Там никого не было. Среди множества пробирок, колб и реторт он показал мне изолированные клетки моркови в питательной среде, которые превратились в нормальные плоды, с корнями, цветами и семенами. Оказывается, он проделал аналогичные опыты с клетками табака, осины, женьшеня. Результат тот же...

— Ведь это вегетативное размножение, вся генетическая информация собрана в одной клетке, она дремлет в ней, пока... Ты понимаешь?

Наспех я рассказал ему все, что знал. Он застыл. То, до чего он дошел экспериментальным путем, подтверждалось.

— Наша одинаковость может быть преимуществом, но может быть и помехой, — шепнул я ему в ухо.

И мы перед ней бессильны. Мы должны все вместе продумать. И прежде всего — как друг друга распознать.

— Предоставь это мне. Я кое-что придумал.

В его комнате, которая представляла собой точную копию моей, отключив подслушивающее устройство, я снова рассказал ему все сначала. Об убитых клонингах. О Зибеле. О нашем отце, обманутом Зибелем. О провале в секторе А. И о термоядерном самоликвидаторе. Только о Веге я ничего не сказал, это было мое личное и его не касалось. Он внимательно слушал.

— А где находится этот самоликвидатор?

— Вот это мы обязательно должны выяснить. Чтобы его обезвредить. Его местонахождение известно Хензегу. Зибель, вероятно, тоже знает. В случае повреждения герметизации, угрозы биологического заражения или бунта...

Я вернулся к себе в комнату, утомленный этими откровенными разговорами. Мой отец погиб из-за того, что слишком доверял своему ассистенту Зибелю. А он его обманул.

Я не ложился. Читал микробиологию Кобруса, но никак не мог сосредоточиться — нервы были на пре-

деле. Через некоторое время ко мне пришла одна из девушек. Вряд ли это Вега, мне не хотелось, чтобы это была Вега, ведь комната сорок седьмого осталась пустой. Но втайне я надеялся, что это она.

Девушка села на кровать и устала в стену. Не так она должна была себя вести. Она должна всегда улыбаться и быть готовой к любви, а потом тихонько уходить. Девушка долго молчала.

— Вы не знаете, что случилось с сорок седьмым номером? — Она внимательно посмотрела на меня. — Ваша комната как раз напротив.

— Не знаю, — ответил я и отвернулся. Я не любил врать.

Девушка посмотрела на меня, на мгновение в глазах ее блеснула искра надежды, которая тотчас угасла и сменилась тоской. Она встала, оглядела комнату, покачнулась, но вовремя схватилась за дверную ручку.

— Вчера вечером он как-то странно себя вел... Не узнал меня... С ним ничего не случилось?

Она плакала. Ее худенькие плечи казались ужасно одинокими и беззащитными. Я мог бы обнять ее, сказать несколько ласковых слов, но я не сделал этого.

— Извините. Вы не можете знать.

Она ушла. Я спрашивал себя, была ли она в моей комнате. Легкая и воздушная, она все унесла с собой. Осталось только неуловимое чужое присутствие. Из зеркала с неприязнью на меня смотрело мое собственное лицо. Оно казалось мне до ужаса чужим, это мое лицо, повторенное девятью три раза. Я провел по нему рукой, словно пытаясь стереть его, но оно снова выплыло из-под моих пальцев. И тогда я сжал руку в кулак и ударил по собственной физиономии в зеркале. Зеркало разлетелось на тысячи маленьких осколков, как когда-то давным-давно, они рассыпались у меня в ногах, а по пальцам потекла кровь. Я почти не почувствовал боли, только жуткую усталость, от которой мне стало плохо.

12

Яркий свет в коридоре казался белым. На мгновение я закрыл глаза, чтобы свикнуться с освещением: когда я их открыл, было уже лучше. Не соображая, что делаю, я направился в залу. Заседание все продолжалось.

Я вернулся.

Девяносто третий тоже не спал. Он вздрогнул, увидев меня, что-то выключил, но когда понял, что это я, улыбнулся и кротко сказал:

— Слушай!

— ...семерых уже нет в живых. — Это был голос Хензег.

— Но у нас еще есть девяносто три, — оправдывался Зибель.

Девяносто третий в напряжении слушал. В тишине снова раздался голос Хензег и разлился по комнате. Он продолжал излагать свои мысли.

— ...всегда хотел мира. Его пытались подкупить, заставить силой, но ничего не удалось. И все-таки его перехитрили, не так ли? Девяносто три мозга работают на нас. Превосходство на нашей стороне. Мы снова станем самой сильной нацией.

Хензег все больше увлекался. Девяносто третий продолжал слушать.

— Не понимаю, почему мы должны держать в тайне их происхождение? Ведь оно еще раз докажет им достижения нашей науки. Я как психолог считаю...

— Еще рано, слишком рано, — перебил Хензег доктора Андриша. — Истину нужно преподнести в строго определенный момент, когда человек созрел для нее, в противном случае она обесценивается. Для них этот момент еще не наступил. Не следует забывать, что они — точная копия своего отца. А каково было его отношение к созданию клонингов? А к нашей политике? Вы должны это помнить, доктор Андриш. И вы, доктор Зибель. Ведь вы так хорошо его знали! Теперь, когда мы почти у цели, мы не имеем права на новые психологические опыты. В тот момент, когда кто-нибудь из них осознает свою индивидуальность, все будет потеряно.

Девяносто третий поглощал каждое долетавшее до нас слово. Я попытался заговорить с ним, но он сделал рукой нетерпеливый знак. Зазвучали оправдания доктора Андриша:

— Доктор Зибель действительно ошибся. А с тем, первым, на которого я вам указал, тоже было не все в порядке. Он знал о портрете Елены. Откуда он мог знать, если не бывал в кабинете? Какие вам еще нужны доказательства? А кроме того, мне кажется, что и остальные чересчур много рассуждают, и не исключено, что они сами дошли до идеи создания клонингов...

— Глулосты! — резко оборвал его Хензег. — Никто не верит в то, во что не хочет верить. Поэтому, несмотря на широкие познания, они не могли сами...

— А ведь он прав, черт его подери, я сам дошел до этого, но никогда бы не поверил, что и мы... — пробормотал девяносто третий и посмотрел на меня. Я молча согласился. И я бы никогда не поверил, если бы не пошел за доктором Зибелем.

— И потом, — не сдавался доктор Андриш, — этот опыт с девушками... Еще одна ошибка Эриха Зибе-

ля. — В этот момент он готов был отказаться от старого друга, думая только о собственной шкуре. — Они не должны были знать, что женщина вообще существует. Какова ее роль? Только для развлечения? Но они слишком умны, чтобы в это поверить. И если хоть одна из девушек забеременеет, нам придется ответить на многие вопросы.

— Этого никогда не произойдет, — отозвался резкий голос Зибеля, готового защищаться. — Не случайно я выбрал бесплодную красоту «Мисс Европы». Эти девушки повторят ее во всем. Не забывайте, что и клонингам нужны иллюзии, как людям, что и у них есть излишняя энергия, которая должна на что-то расходоваться, но все же главным остаются иллюзии. Хорошая иллюзия действует дольше отравы. А разве есть для мужчины лучше иллюзия, чем женщина?

— Но если эта ваша иллюзия все-таки забеременеет? — не унимался доктор Андриш. — Как только не шутит с нами природа!

— Нет, доктор Андриш. — Хензег, потерявший терпение, попытался прекратить спор. — Прошло то время, когда природа подшучивала над нами. Теперь мы с нею шутим. И притом весьма успешно. Если вы этого не поняли, какого черта вы здесь делаете?

13

Заседание продолжалось. Голоса время от времени пропадали. Девяносто третий, лежа на полу, закрыл собой микроустройство, внимательно слушал. И вздрагивал. Мне все было ясно. Если бы не навязчивая мысль о бегстве и не вера в него, я ворвался бы в кабинет доктора Андриша и наглотался его таблеток, от которых засыпает навсегда. Доктор Андриш хранил их в зеленой банке в углу своего медицинского шкафа. Но мне не нужны эти таблетки. Я выберусь отсюда, ведь и Хензег считает, что это не так уж невозможно. Я доберусь до людей, до обычных людей, для которых пишут стихи, поют песни, рисуют картины. Сюда каждую ночь приходит кто-то из этих людей. Я часто слышал ночами шаги в коридорах, разговоры, приглушенный смех, видел движение теней, видимо, ночью сюда доставляли продукты, медикаменты, пробы и прочие необходимые для нас вещи. Вряд ли кто-нибудь из них знал правду, они приходили в темноте и уходили в темноте. Не задавали вопросов и не ждали ответов. Загадочные, безликие и безымянные.

Девяносто третий продолжал подслушивать. А рядом со мной появился старый ученый. Я осмотрелся. Девяносто третий ловил своим устройством пропадающие голоса Хензег и Зибеля. И ничего не замечал.

— Чего ты боишься? — спросил меня отец. — Ты ведь похож на меня. Я много сделал для людей. И не пожалел ни собственного благополучия, ни себя самого. И ты не пожалейшь. Каждый человек обязан сделать что-то хорошее, хотя бы один маленький шаг вперед. Ты убежишь отсюда, чтобы рассказать все людям, я с тобой, мир не так уж велик, и я научу тебя, что делать. Я мертв, но ведь ты жив, а ты — это я. Я никогда не боялся. И ты не бойся. В кабинете Зибеля ты найдешь истории моего времени. Изучи их внимательно, они раскроют тебе глаза. И помни: совесть ученого — его ответственность перед миром. Готов ли ты отвечать за свою работу? Кому ты служишь? И будь осторожен с Зибелем, он может перехитрить и Хензег, и всех вместе взятых, он — хитрая лисица, в третий раз тебя не упустит. Дай руку девяносто третьему, протяни руку остальным, станьте одной цепочкой, стеной...

— Да, — прошептал я.

— Что с тобой? — спросил девяносто третий и тревожно взглянул на меня. — Не шуми! Сейчас должен прилететь какой-то генерал Крамер. Похоже, важная птица. Ты что-нибудь о нем слышал? Они собираются объявить особое положение.

— Зибель не допустит. Для него это... конец.

— Надо поторопиться. — Девяносто третий поднялся с пола. — С каждым днем становится все труднее. Я буду держать в поле зрения Хензег, а ты присматривай за Зибелем. И нужно скорее подключить кого-нибудь из наших.

14

Дорога в мир начиналась из кабинета Зибеля. Нужно было снова попасть туда. Я знал эту дверь, и сейчас, когда Зибель успокоился, считая меня мертвым, особенно важно было снова открыть ее. А Зибель действительно успокоился. Его лицо вновь обрело выражение печали и святости. Он погрузился в работу, часами просиживал над нашими исследованиями, терпеливо наставляя нас, задавал многочисленные вопросы и выслушивал ответы...

— Ты хорошо знал сорок седьмого? — спрашивала Вега.

Она часто приходила ко мне, присаживалась на край кровати, но избегала любого моего прикосновения, и, чтобы она не уходила, я не трогал ее.

— Конечно, — отвечал я. — Тебе никогда не кажется, что сорок седьмой — это я, то же лицо, те же руки, те же мысли?

— Не знаю. — Вега внимательно и долго разглядывала меня. — Трудно сказать. Когда я сюда вхожу,

у меня вдруг радостно бьется сердце, но потом вспоминаю, что Альтаир мертв, и мне хочется расцарапать твоё лицо. И плакать, плакать. Возможно, подобные чувства испытывают люди, когда им изменяют: вроде бы есть человек, а он мертв. Но когда я не смотрю на тебя, мне хорошо, потому что с тобой я могу разговаривать о нем, а с другими не могу.

— Почему ты любишь именно его? Ведь он — во всех нас, а мы — в нем.

— Нет, — заплакала Вега. — Это невозможно объяснить. Мне кажется, что только любовь способна открыть ту неуловимую индивидуальность, которая скрыта в каждом из нас. Только любовь. Иногда мне кажется, что он идет по коридору. Выхожу и вижу — он, его походка. Позову его, а он проходит мимо. Альтаир остановился бы, взял бы за руку... Не знаю, как тебе объяснить... Возможно, это оттого, что я ношу его в себе, он во мне.

— Как в тебе?

Я повернулся к ней, увидел опухшие от слез глаза. Все в ней мне было дорого. Я подошел ближе. Она встала, ее волосы коснулись моей щеки.

— Не знаю, но сейчас во мне бьются два сердца. Дай руку, не бойся. Послушай, ведь их два? Одно — Альтаира... А ночью... ко мне приходил Зибель. Он не может быть один. Все время говорит о своей покойной жене. Но когда он мне сказал, что сорок седьмой умер, я не поверила... А еще он сказал, что я больна и должна пойти к доктору Андришу. Но я не пошла... Зибель размяк, как ребенок, никто его таким не видел, но со мной он искренний и слабый, он хотел бежать, говорил о себе и Елене, потом стал называть меня Еленой и обнимать, он был так страшен, что я испугалась и хотела уйти...

— Что он еще тебе сказал? Вспомни, это очень важно! Вспомни! Сосредоточься...

Я начал трясти ее за плечи, она выпрямилась.

— Что еще? Он сказал, что мы с ним сбегим отсюда. Для него я была Еленой, и он настаивал на бегстве, пока не поздно и пока его не убили. Я не хотела верить, но он открыл какую-то дверь, и я увидела...

— Что?

— Реку, деревья, звезды... И лодку. Маленькую, как ракушка. Она медленно раскачивалась вместе с веслами, Зибель потянул за веревку, обернулся ко мне и понял вдруг, кто перед ним.

— И что? — Я задышался от волнения.

— Ничего. Мы медленно вернулись в мою комнату. Он приказал мне молчать.

— Ты должна беречься. Смогла бы снова найти эту дверь? Без Зибеля?

— Нет.

Я долго ждал девяносто третьего в его комнате. Наконец он пришел, и не один. Сопровождавший его клонинг недоверчиво посмотрел на меня. Я тоже настоятельно требовал помощи. Генерал обещал. На базу должно прибыть новое лицо, обладающее особыми полномочиями. И это лицо введет здесь военное положение. Девяносто третий упорно искал путь к термоядерному самоликвидатору, но пришел к выводу, что и Хензег не знает о его местонахождении.

15

Прибыл новый...

А доктор Зибель исчез...

Как-то утром он не явился на лекцию, и мы молчаливо спустились в лабораторию. Я был потрясен. Неужели он бежал? Или просто ночью его убили, как вообще без шума ночами здесь проворачивались некоторые дела? Или... он заболел?

Я с нетерпением ждал следующего дня. Он снова не явился. Мне стало ясно, что Зибеля больше нет среди нас. И никто не счел нужным объяснить нам, куда девался человек, которого мы встречали каждый день на протяжении двадцати лет. Мне хотелось выяснить, что с ним случилось. И что угрожает Веге и всем нам. Я несколько раз спрашивал Хензег о Зибеле, но он только улыбался и уклонялся от ответа. Молчал и доктор Андриш. Он выглядел слишком бледным и слишком испуганным. Теперь у меня оставался только кабинет Зибеля, только кабинет Зибеля мог раскрыть истину.

Как только я попал туда, я понял, что Зибеля уже нет в живых. Со стены на меня смотрели задумчивые глаза его жены, смотрели прямо и улыбались. Зибель никогда бы не оставил ее портрета. Я снял портрет со стены. У меня было мало времени. Снаружи послышались чьи-то медленные, равномерные, угрожающие

Она попробовала улыбнуться, но губы ее задрожали, а в уголках глаз показались слезы.

— Не понимаю, что они со мной сделали. Мне так страшно. Как будто мы в каком-то огромном зале с зеркалами. И постоянно в них отражаемся. Все кружится. Кружится,— бредила Вега.— И мы кружимся. А коридоры делаются все темнее. Я уже не чувствую своего тела, я плыву, нет, летаю. Я летаю?.. Объясни, что со мной происходит. Ты такой умный.

Я мог бы ей объяснить, но не имел права. Она пришла прямо от доктора Андриша, а у доктора Андриша были уколы на разные случаи. Были и таблетки. Он контролировал нашу жизнь, желания, мысли, поступки, все. Из-за него умерли двое наших, потом еще двое. И сам Зибель. А теперь умирала Вега. Мне не хотелось в это верить, но я не мог обманывать себя. Папанелли не любил экспериментов, в них крылся риск, а он не выносил риска. Этот ребенок поставил бы его перед новыми проблемами. Он боялся ответственности, и без того его утомляло наше необъяснимое поведение и еще более необъяснимое поведение Хензегга. Полностью лишенный фантазии, Папанелли напоминал мне примитивные кибернетические машины.

Вега умирала. Оставляла меня одного.

Я снова взял ее на руки и быстро пошел. Времени было в обрез. Я побежал.

Последний коридор... Силы почти покинули меня. Вероятно, вид у меня был довольно жалкий, один из наших приблизился ко мне сзади и прошептал:

— Все-таки придется тебе помочь, приятель.

Я обернулся. Мое собственное лицо смотрело на меня обеспокоенным взглядом. А микроустройство под одеждой молчало. Он не был из круга наших доверенных лиц, но дружелюбно улыбался. Он склонился над Вегой, но в следующий миг в испуге отпрянул назад.

— Но она... мертва!

— Нет! — прошептал я.— Нет! — крикнул я.— Нет! — Страшный вопль готов был вырваться из моего горла, но клонинг опередил меня, зажав рукой рот.

Она была мертва. Мы осторожно положили ее на ковер, по которому рассыпались ее темные волосы. Я погладил ее лицо, оно осталось неподвижным, без улыбки. Мы переглянулись.

— Пойдешь со мной? — не глядя на него, медленно, но решительно спросил я.

Не знаю, как бы я поступил, если бы он заколебался, задумался хотя бы на минуту, если бы спросил куда. Но он быстро выпрямился и сказал:

— Пойдем, приятель.

Я с облегчением вздохнул.

В последний раз с болью я взглянул на Вегу, снова погладил ее неподвижное лицо, закрыл ее прекрасные глаза. Я навсегда уносил с собой ее образ, как уносил и эти проведенные здесь двадцать лет жизни. Вега открыла для меня любовь, а через нее — сущность мира и людей, я любил ее и навсегда уносил с собой — чтобы отомстить за нее, за нас за всех...

18

Мы были на свободе.

В лесу чернели высокие и прямые деревья, я впервые видел их. Где-то совсем рядом журчала вода. Ночь наполнялась ее шепотом и криками птиц. Было страшно и прекрасно. Воздух, очень свежий и пропитанный неизвестными ночными запахами, пьянил нас. Луна, как апельсин, висела в этом хрустальном воздухе. Дрожали яркие, высокие, настоящие звезды.

Впервые в жизни мы протянули друг другу руки и крепко обнялись.

— А теперь нам надо разыскать Кобруса.

— Кто этот Кобрус? — спросил мой товарищ.— Микробиолог?

Я должен был ему все рассказать. Я рассказывал долго и обстоятельно, показывая записки Зибеля и портрет Елены Зибель. Я начал с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся; закончил — мгновением, когда клонинг положил мне руку на плечо, назвал меня своим другом и предложил помощь. Теперь мы должны как можно скорее помочь остальным. Девяносто третий остался, чтобы тщательно подготовить бунт и наблюдать за Хензеггом и Папанелли. «Центр» знал свое дело, разделял и властвовал, и устранял неугодных. А спокойное человечество ни о чем не подозревало. Не хотело подозревать.

Мы должны были его потрясти.

Мы долго брели куда-то, долго разговаривали и, наконец, вышли к реке. Остановившись, снова пожали друг другу руки и пожелали скорейшей встречи у Кобруса. Клонинг двинулся вниз по течению. Я долго смотрел ему вслед, в лунном свете его фигура казалась беззащитной и нереальной.

— Постой! — крикнул я.— Твое имя Рихард.

— Рихард, — повторил он и растворился во мраке.

Я направился вверх по течению. Мне хотелось дожидаться рассвета, чтобы скрыться где-нибудь и спокойно изучить записки Зибеля, которые не давали мне покоя. Только после этого я отправлюсь на поиски людей. Один из нас придет первым.

Мы не имели права опаздывать.

Молчание

1

Меня зовут Зибель. Мне пятьдесят два года. Я многое пережил, многого достиг, но никогда не был счастлив. Я женат. Люблю Елену. Все еще люблю ее, но она смертельно больна и скоро умрет. У меня были дети, двое сыновей, оба погибли во время тех страшных бомбежек. Потом они снова у меня были, но Елена... что сделала с ними Елена? Я не могу сердиться на нее, ведь прошло уже столько лет, и сейчас мне кажется, что она была права. Но не бывает объективной правоты, для каждого правота своя. В один-единственный миг я потерял покой. До этого я никогда не задумывался, уверенный в себе. А в тот миг я потерял и смелость. Этого никто не понял, даже Елена. Она продолжает молчать. Смотрит на меня пустыми, отсутствующими глазами. Не может простить мне истории с детьми. Сейчас, на пороге смерти, она должна меня простить. Должна простить.

Я жду и буду ждать до конца.

Я начал свою жизнь с убийства людей. Они были нашими врагами, и я гордился собой. Я убивал спокойно, хладнокровно, научно. Выдумывал тысячи способов. Мне это удавалось, и все признавали меня гениальным. А закончу я свою жизнь, создавая людей. Уже не так спокойно, с какой-то тревогой. И это опять мне удастся. Но теперь никто не считает меня гениальным. И Елена продолжает смотреть мимо меня пустыми, отсутствующими глазами.

2

У Елены удивительная способность разговаривать, когда она одна. Повернув красивое лицо к стене, она смотрит на наших сыновей и тихонько шевелит губами. Слов не слышно. Она не в себе? Сумасшедшая? Для нее они навсегда остались пятилетними, родившимися с разницей в час близнецами, которых я с трудом научился различать. С тех пор она, как лунатик, бродит по комнатам. На меня не смотрит, я знаю, что она меня ненавидит, и удивляюсь, почему до сих пор она меня не бросила. Но не смею спросить ее. Смотрю, как она разговаривает с нашими мальчиками, а мне уже пора идти, я опаздываю.

— Елена, я уйду!

Она даже не поворачивает головы, как будто не слышит. И это может продолжаться бесконечно, она не обернется, даже если меня поведут на расстрел. Я подхожу к ней, слегка касаюсь ее плеча, плечо вздрагивает, тихонько целую ее в щеку, и щека вздрагивает под моими губами. Елена передергивает плечами, старательно вытирает след моего поцелуя и продолжает молчаливый разговор с мальчиками на фотографии. Мне хочется сорвать эту фотографию, изорвать ее в клочья и кричать, что мертвые навсегда останутся мертвыми, а мы должны жить, что это я сделал ради нее, ведь тогда ее тоска сводила меня с ума, но я знаю, что и сейчас она не поймет, не хочет понять...

Все сгорело. Дотла.

— Елена, я уйду!

Я действительно уйду. Не могу опаздывать ни на минуту. Вертолет приземлится ровно в шесть, будет ждать три минуты, пока мы с Хензеггом поднимемся по лесенке, и сразу же улетит. Сидя с Хензеггом плечом к плечу, мы будем молчать, и вдруг он спросит:

— Как твоя жена?

— Все так же, — отвечу я.

Хензегг легко, он не женат и не пережил того, что пережил я. Он молод, безобразно молод, а знает почти столько, сколько и я. Так и должно быть. И я не завидую ему, я никому не завидовал. Возможно, я завидую Хензеггу в другом: его не гнетет прошлое, он не слышит криков мертвецов, которые будят меня каждую ночь, столько ночей на протяжении столько лет. Криков тех, кого я сам убивал. Он не видел двух своих сыновей, задохнувшихся под грудой развалин, не пережил и презрения единственной женщины, которую любил.

— Они что-то опять меня беспокоят, — говорит он.

«Они» всегда его беспокоят. Он так и сказал генералу Крамеру. «Они» — это наши воспитанники. Сто штук клонингов, которых я сделал из куска кожи старого доктора. И он был очень умным, и он был упрямым, но я справился с ним. Только с одним я не могу справиться — с ледяными мурашками, которые бегают по коже. Когда я спускаюсь в подвал, руки начинают дрожать, мне кажется, что старик сейчас набросится на меня.

— Мне кажется, что они...

Хензеггу все время что-то кажется. Страшно беспокойный человек. И передает свое беспокойство выше. Я его не слушаю, он меня раздражает. Мы спокойно спускаемся. Вертолет тут же улетает обратно. Тайная дверь распахивается перед нами, нас принимают в свои объятия длинные освещенные коридоры, и мы снова погружаемся в строгий и логичный мир клонингов, созданный нами самими.

Окончание следует.

Перевод с болгарского
Татьяны ПРОКОПЬЕВОЙ.

СМЕНА 88

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Очерк
о самом молодом
министре
в нашей стране.

Историю о том,
как была арестована
лошадь
Михаила Громова.

Отечество.
Путешествие
к Айвазовскому,
Волошину,
Грину.
Очерк Л. Жуховицкого.

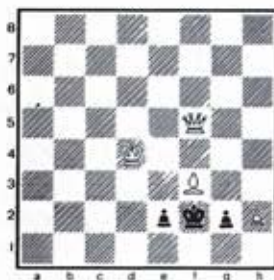
Новый рассказ
Фазиля Искандера.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

30-я шахматная олимпиада
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

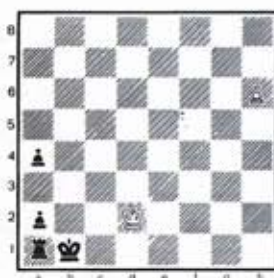
ПАРАД МИНИАТЮР
Л. Лошинский
1954 г.

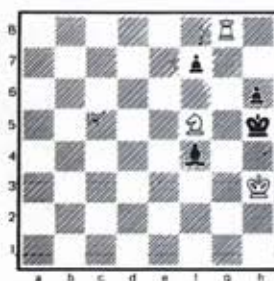
Мат в 3 хода

1. Фe5! с угрозой 2. Ф:e2+ Kpg1
3. Ф:g2x, 1. ...g1K! 2. Фg3+ Kpf1
3. Cg2x, 1. ...e1K! 2. Фe3+ Kpf1
3. Ce2x, 1. ...e1Ф 2. Фg3+ Kpf1
3. Фg2x. В двух центральных вариантах черные пешки превращаются в коней, что позволяет белым осуществить два правильных эхо-мата со сложным блокированием. Хорош и вступительный ход, отдающий свободное поле черному королю.

Пятый тур

Белые: Kpd2, пп. h6 (2)
Черные: Kpb1, Ла1, пп. a2, a4 (4)
Мат в 3 хода (1 балл)

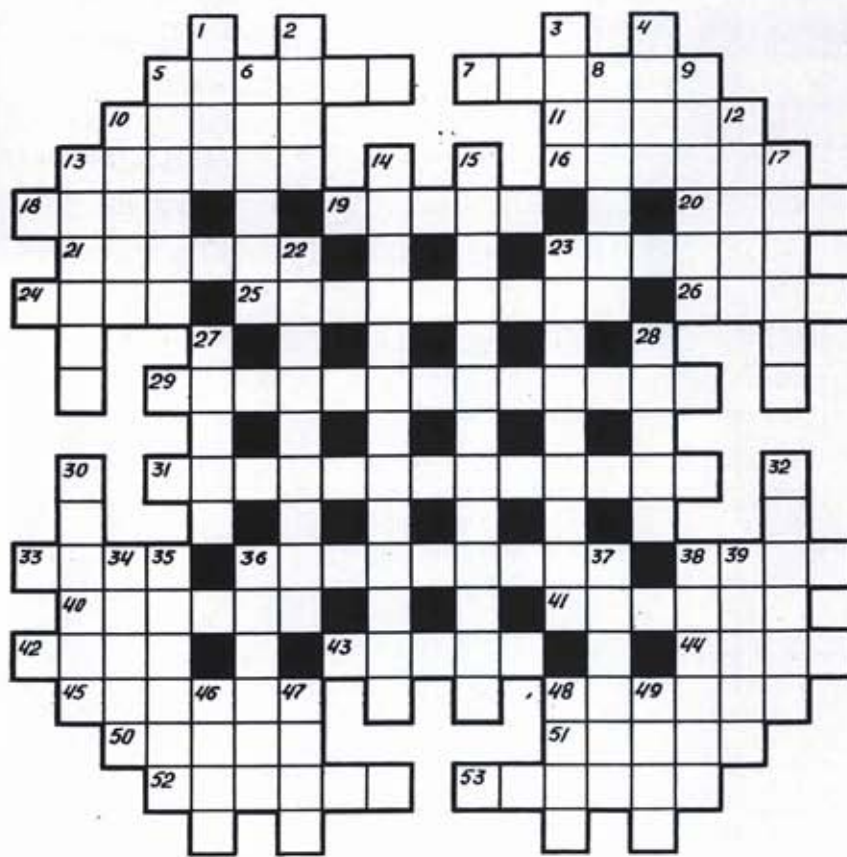

Белые: Kph3, Лg8, Кf5 (3)
Черные: Kph5, Cf4, пп. f7, h6 (4)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 5-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

КРОССВОРД

Составил В. Шенгур. Севастополь

По горизонтали:

5. Автор пьесы «Синие кони на красной траве». 7. Микроорганизм, необходимый в производстве кефира. 10. Женщина, о которой никто не знал бы, не попадись она на глаза Петрарке. 11. Один из самых популярных в XVIII—XIX веках самоцветов. 13. Деталь одежды М. Лермонтова на портрете П. Заболотского. 16. Слесарный и столярный инструмент. 18. Предмет, по которому в физике названо поступательно-вращательное движение. 19. Язык, присущий некоторым произведениям Д. Бурлюка, В. Каменского, В. Хлебникова. 20. Клепсидра, ходики, хронометр (общее название). 21. Положение, определяющее пешехода как участника дорожного движения. 23. Литературный язык средневековой Кореи. 24. Часть здания. 25. Орган цветка, выделяющий приманку для насекомых. 26. Положительный электрод. 29. Самая популярная в поэзии строфа. 31. Жанр произведений в знаменитой серии, начатой в конце 1880-х годов Ф. Павлен-

ковым и продолженной в 30-е годы М. Горьким. 33. Металл, уличающий поддельщиков картин старых мастеров. 36. Известный греческий политкомиссар, антифашист. 38. Героиня поволжской легенды в байках бабушки Алехи Пешкова (М. Горький «Детство»). 40. Легендарный прорицатель, по совету которого греки построили троянского коня. 41. Народ, представитель которого, говоря о печальном случае, улыбается, чтобы не огорчить слушателя. 42. Мясное или овощное блюдо. 43. Город на Урале, близ которого в 1842 году был найден «Большой треугольник» — самый крупный золотой самородок Алмазного фонда. 44. Часть суток. 45. Певица, изображенная на картине М. Врубеля «Царевна-лебедь». 48. Город на западе острова Тайвань. 50. Водяное растение, пища выхухоли. 51. Строй участников кулачного боя. 52. Алкалоид в соке болиголова. Этот сок в древности применяли для казни. 53. Тактическое действие разведчиков в тылу врага.

По вертикали:

1. Званный вечер. 2. Костюм дирижера, скрипача. 3. Селенит (суть). 4. Стихия, вдохновлявшая И. Айвазовского. 5. Запугивание с преступными целями. 6. Высшая выборная должность в Древнем Риме. 8. Привал войск. 9. Постоялый двор гоголевского Янкеля в Умани. 10. Часть ордена. 12. Растение, споры которого в петровские времена употребляли для фейерверков. 13. Э. Сведенборг как философ. 14. Наука. Первая станция по ней в России создана в 1886 году И. Мечниковым и Н. Гамалеей. 15. О. Ренуар как представитель группы художников. 17. Часть слова без окончания. 22. Творец бессмертного борца с ветряными мельницами. 23. Важное направление научно-технического прогресса. 27. Без рук, без ног, по избе

пляшет (загадка). 28. Птица, олицетворяющая на Востоке мудрость. 30. «Дан ...: ему — на запад, ей — в другую сторону» (из песни). 32. Деревня в Минской области, на месте которой открыт мемориальный комплекс. 34. Пепельный нарост на фитиле. 35. «Путеводитель» в русском фольклоре. 36. Автомобильная камера. 37. Античное государство, в котором осуждали роскошь. 38. Говесть Э. Гофмана, переведенная В. Жуковским. 39. Рабочее место актера. 46. А. Куприн «Вальдшнепы» (персонаж). 47. Герой гражданской войны. 48. Жанр, о котором Ф. Бэкон после «Опытов» Монтеня отметил: «Слово это новое, но явление древнее». 49. Кантата А. Пушкина о матери Елены Прекрасной.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Золя. 5. Юхас. 8. Щукин. 9. Бабино. 10. Гранат. 12. Лазрт. 15. Северюга. 17. Ризалит. 19. Магнетизм. 23. Родоо. 24. Орлик. 27. Шило. 28. Нар. 29. Вкус. 30. Пульс. 31. «Ночка». 32. «Зима». 33. Ежа. 34. Драп. 35. Канон. 38. Динар. 43. Диоскорид. 47. Кинтайр. 48. Черника. 49. Тэффи. 52. Легист. 53. Остуда. 54. Львов. 55. Яхта. 56. Утка.

По вертикали:

1. Забава. 2. «Лонжюмо». 3. Муха. 4. Шифр. 6. Хорезми. 7. Синель. 9. Бусы. 11. Тать. 12. Лаге. 13. Эре. 14. Трир. 16. Гадоллий. 18. Излучение. 20. Нонсенс. 21. Торнадо. 22. Пиния. 23. Ропак. 25. Квадр. 26. Жулан. 36. Адамсит. 37. Оорт. 39. Ирчи. 40. Адресат. 41. Укол. 42. Англия. 44. Каф. 45. Дкуша. 46. Цаца. 50. Эльф. 51. Фтор.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1459)
март 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

*Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакция не рассматриваются.*

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 19.01.88.
Подписано к печати 01.02.88.
А 01342. Формат 70×108/16.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1916.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

На вопросы
анкеты
отвечает
артист
Московского
театра
имени
Ленинского
комсомола

АЛЕКСАНДР
АБАУЛОВ

— Я спрошу ее фамилию и род занятий.

Какие качества определяют, по-вашему, «мужское начало» в мужчине?

— Умение отвечать за свои поступки и, как говорил Экзюпери, нести ответственность за тех, кого мы приручили.

А еще?

— А дальше — биология...

Любят ли вас собаки?

— Это надо спросить у моей собаки. По меньшей мере, спит она со мной.

Если у вас все плохо: не ладится работа, не устроена личная жизнь, расшаталось здоровье и т. д. — что вам помогает в таком тяжелом состоянии?

— Уезжаю куда подальше...

Завидуете ли вы успеху другого человека?

— Да, конечно. Иногда до такой степени, что хочется бросить профессию.

Ради чего вы работаете?

— Чтобы моя дочь никогда не стыдилась имени отца.

При каком условии вы были бы готовы отказаться от профессии?

— Только в случае инвалидности первой группы.

Часто ли возникают у вас спорные, конфликтные ситуации с человеком, под руководством которого вы работаете?

— Не часто, но бывают.

Какой совет вы хотели бы дать человеку, под руководством которого работаете?

— Ненавижу вообще давать советы.

Часто ли вы отрекаетесь за кулисами от того, что произносите со сцены?

— К сожалению, часто.

Чье мнение о вашей работе наиболее значимо для вас: руководителя, коллеги, друга, родственника?

— Друга.

Какую роль вы не хотели бы сыграть?

— Плохую.

Кого бы вы никогда не пригласили к себе в сценические партнеры?

— Артиста Захарова, потому что он — главный режиссер нашего театра.

Как и когда вас принимали в комсомол?

— В то время в театре было только два комсомольца и не хватало третьего для создания «ячейки», вот я и подвернулся...

Что вы больше всего цените в самом себе?

— Скажем так: не быть никому обязанным.

Нужно ли говорить правду «в лицо»? А вы ее говорите?

— Нужно, если ты уверен, что это — правда. Но так как абсолютной правды нет, я этого не делаю.

Какое противоречие времени вы считаете главным?

— Главное.

Что бы вы хотели изменить в окружающей вас действительности?

— Главное противоречие.

Что вас раздражает в людях больше всего?

— Назойливость.

На улице вы встречаете человека, и он предлагает: деньги, популярность, должность, поездку в Париж...

Что из перечисленного вы предпочтете всему остальному?

— Поездку в Париж... В Париже быть популярным.

Если бы вы встретили инопланетян, и они предложили бы вам отправиться вместе с ними, вы согласились бы?

— С удовольствием.

У вас в руках «золотой рыбка», желание, естественно, можно загадать только одно. Какое?

— Чтобы можно было говорить действительно все. Это к проблеме гласности...

И последний вопрос: о чем мы вас не спросили?

— Устал я или нет?

... часть мужчины ежемесячно, чтобы обеспечить любимую? Минимум? Максимум?

— Минимум — 700 рублей, максимум — прекрасному нет предела.

А сколько получаете вы?

— Сто восемьдесят минус налоги и членские взносы в два творческих союза.

Назовите лучшие качества вашего характера, которые вы охотно передали бы дорогому человеку.

— Нет ни одного.

Любовь неразделенная страшна.

Но для кого весь мир лишь биржа, драка,

Любовь неразделенная смешна.

Как профиль Сирано де Бержерака...

Это произнес один поэт. Как вы считаете, что больше стимулирует творческий процесс: любовь неразделенная или любовь счастливая?

— Неразделенная.

Окажись вы на месте Адама и откусив то самое яблоко, которое протянула Ева, какую первую фразу вы произнесете?

— «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...»

Согласны ли вы с небесспорной мыслью о том, что в мире все делается во имя женщин?

— Да.

Почему?

— Потому что женщины — это самое прекрасное, что может быть в этой жизни.

Самая достойная женская профессия?

— Жена. Мать.

Ваша любимая женщина-режиссер, женщина-актриса, женщина-композитор, женщина-певица, просто женщина?

— Я так люблю женщин, что выделить по одной просто не могу. Что касается «просто женщина» — так это моя жена.

Сколько, по-вашему, должен полу-

Готовы ли вы честно отвечать на вопросы?

— Нет.

Как вы относитесь к тому, что попали на обложку нашего журнала?

— Мне приятно.

Кого бы вы хотели увидеть рядом с собой на обложке?

— Никого.

8 марта — Международный женский день. Попытайтесь вспомнить стихотворную строку, которую вы могли бы посвятить этому празднику?